

Раздвигая границы

Автор:

Кэти Макгэрри

Раздвигая границы

Кэти Макгэрри

Love&Game

Эхо Эмерсон, красавица, самая популярная девочка в школе. Что случилось той ночью, после которой Эхо превратилась в неудачницу со «странными» шрамами на руках, о которой шепчутся по углам.

Жесткий и прагматичный Ной Хатчинс привык использовать девушек. Его взгляды на жизнь далеки от романтики и сострадания.

Эхо и Ной – полюсы с разноименным зарядом, которые, как известно, притягиваются.

Топ-выбор читателей журнала Romantic Times.

Кэти Макгэрри

Раздвигая границы

Katie McGarry

PUSHING THE LIMITS

Печатается с разрешения издательства Harlequin Books S.A. и литературного агентства Prava I Prevodi International Literary Agency

Оформление серии Екатерины Климовой

Copyright © 2012 by Katie McGarry

© А. Харченко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Эхо

«Мой отец – деспот, которому непременно нужно всех контролировать, мой брат – мертв, мачеху я ненавижу, а мама... ну, у нее свои проблемы. И вы еще спрашиваете, как у меня дела?»

Так бы я хотела ответить миссис Коллинз. К сожалению, видимость благополучия нашей семьи всегда стояла для отца на первом месте, поэтому я лишь моргнула три раза и сказала:

– Хорошо.

Миссис Коллинз – новый клинический психолог школы Иствик, – сделала вид, что я ничего не говорила. Отодвинула стопку папок на край стола, на котором не было даже намека на порядок, и принялась перебирать бумаги. Вытащив мою папку сантиметров восемь толщиной, женщина, негромко кашлянув,

вознаградила себя глотком коричневого напитка, оставляя на чашке след от ярко-красной помады. В кабинете пахло дешевым кофе и свежезаточенными карандашами.

Справа от меня, постоянно посматривая на часы, сидел отец, а слева – Злая Ведьма Запада, которая беспрерывно ерзала в кресле. Я пропустила первый урок по вычислительной математике, папа – какую-то очень важную встречу, а моя мачеха из страны Оз? Я уверена, что она пропустила раздачу мозгов.

– Разве не прелестный месяц – январь? – задала новый вопрос миссис Коллинз, открывая мою папку. – Новый год, новый месяц, возможность начать все с чистого листа. – Не дожидаясь ответа, она продолжила: – Вам нравятся занавески? Я сама их сшила.

Мы с отцом и мачехой синхронно повернули головы в сторону розовых занавесок в горошек, которые закрывали окна на парковку. Занавески были в стиле сериала «Маленький домик в прериях»[1 - Little House on the Prairie (англ.) – телевизионный семейный сериал, за девять сезонов с 1974 по 1983 г. вышло 204 серии.], а их цвет, с моей точки зрения, был свидетельством дурного вкуса. Но это только мое мнение. Мы все трое промолчали, от чего в комнате воцарилась неловкая тишина.

В этот момент завибрировал «блэкберри» моего отца. Словно нехотя, он вытащил телефон из кармана и пролистал оповещения. Эшли забарабанила пальцами по своему раздутому животу, а я уставилась на рукописные таблички на стене, чтобы на чем-либо сосредоточиться и не смотреть на нее.

НЕУДАЧА – НАШ ЕДИНСТВЕННЫЙ ВРАГ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ ВВЕРХ – НИКОГДА НЕ СМОТРЕТЬ ВНИЗ.

МЫ УСПЕШНЫ, ПОТОМУ ЧТО ВЕРИМ.

ДОБРЫ БОБРЫ ИДУТ В БОРЫ, А ДРОВОКОЛОРУБЫ РУБИЛИ ДУБЫ[2 - Предложение переводчика своего варианта скороговорки How much wood could a woodchuck chuck if a woodchuck could chuck wood? Буквальный перевод: «Сколько дров

бросил бы сурок, если бы сурок мог бросать дрова?»].

Л-а-а-дно, последнее предложение было полнейшей бессмыслицей, но меня развеселило.

Светлыми волосами и навязчивым дружелюбием миссис Коллинз напоминала лабрадора-переростка.

– Результаты Эхо по ACT и SAT[3 - ACT и SAT – стандартизированные тесты для поступления в американские вузы.] просто невероятны! Вы, должно быть, очень гордитесь своей дочерью. – Она искренне улыбнулась мне, обнажив все зубы.

Затикал таймер. Мой сеанс терапии официально начался. Пару лет тому назад, после того происшествия, Служба по защите детей «настоятельно рекомендовала» мне пройти терапию, а папа быстро сообразил, что лучше согласиться на все, что «настоятельно рекомендовано». Раньше мои сеансы проходили как у всех нормальных людей – в специальном кабинете за пределами школьной территории. Но благодаря щедрому финансированию от штата Кентукки и психологу-энтузиасту я стала частью экспериментальной программы. А деятельность миссис Коллинз заключалась только в том, чтобы разбираться с проблемами некоторых ребят из моей школы. Я просто счастливица.

Папа выпрямился:

– Результаты по математике были низкими. Я хочу, чтобы она пересдала тесты.

– А где здесь туалет? – перебила его Эшли. – Малыш любит прыгать по мамочкиному мочевому пузырю.

Скорее, Эшли любит быть в центре внимания. Миссис Коллинз натянуто улыбнулась и показала на дверь.

– Выйдите в основной коридор и поверните направо.

Мачеха с таким усилием поднималась с кресла, будто носила в себе 500-килограммовый свинцовый шар, а не крошечного ребенка. Я с отвращением

покачала головой и заработала ледяной взгляд от отца.

– Мистер Эмерсон, – продолжила миссис Коллинз, как только мачеха вышла из комнаты, – оценки Эхо значительно выше среднего показателя по стране и, если верить тому, что я вижу в ее личном деле, девочка уже подала документы в те колледжи, которые она выбрала.

– В некоторых бизнес-школах удлинённые сроки приема, и я хотел бы, чтобы она подала документы и туда. Кроме того, наша семья не приемлет уровень «выше среднего». Моя дочь превзойдет все показатели.

Слова отца прозвучали с неуместным пафосом. Он бы еще добавил: «Так пусть это будет записано. Так пусть это свершится»[4 - Знаменитая фраза из фильма «Десять заповедей»].

Я облокотилась на ручку кресла и прикрыла лицо рукой.

– Вижу, вы всерьез этим обеспокоены, мистер Эмерсон, – сказала психолог раздражающе спокойным голосом. – Но результаты Эхо по английскому близки к идеальным...

Тут-то я и перестала следить за этим диалогом. Папа и прошлый консультант по профориентации уже дискутировали на эту тему, когда я писала PSAT[5 - PSAT – предварительный академический тест (упрощенная версия SAT)]. А потом опять, когда я впервые проходила тесты по SAT и ACT. В конце концов консультант понял, что мой отец всегда выигрывает, и сдался после первого раунда.

Результаты тестов волновали меня меньше всего. Найти деньги на починку машины Эйриса – вот что было главным. После смерти брата папа твердо стоял на своем: автомобиль нужно продать.

– Эхо, ты довольна своими результатами? – спросила миссис Коллинз.

Я взглянула на нее сквозь завесу рыжих вьющихся волос, упавших мне на глаза. Предыдущий терапевт понимал, кто главный в нашей семье, и разговаривал исключительно с папой.

– Простите?

– Ты довольна своими результатами по ACT и SAT? Или хочешь переписать тесты? – Женщина сложила руки на моей папке. – Хочешь подавать документы в другие университеты?

Я встретила взгляд с папой – его серые глаза устало смотрели на меня. Выбор не велик: если я соглашусь переписать тесты, отец будет доставать меня каждую свободную секунду, заставляя учиться. Значит, каждую субботу я буду рано вставать, все утро мучиться, пока у меня не вскипит мозг, а потом неделями беспокоиться о результатах. Что касается подачи документов в другие университеты... Я лучше перепишу тесты.

– Не особо.

От разочарования его беспокойные морщинки вокруг глаз и губ проявились еще больше. Я тут же исправилась:

– Папа прав. Я должна переписать тесты.

Миссис Коллинз тут же что-то застрочила в моем личном деле. Предыдущий терапевт был хорошо осведомлен о моих проблемах с уверенностью в себе. К чему записывать одно и то же.

Эшли вразвалку зашла в комнату и плюхнулась в кресло рядом со мной.

– Что я пропустила?

Я уж и забыла о ее существовании. Ах, если бы и папа тоже.

– Ничего, – ответил он.

Миссис Коллинз наконец-то отложила ручку.

– Перед тем как вернуться на занятия, уточни с миссис Маркос дату следующего тестирования. И пока я твой психолог, мне хотелось бы обсудить с тобой расписание на зимний семестр. Ты записалась на все выборочные курсы по

бизнесу. Меня интересует почему.

Честный ответ – «потому что так сказал папа» – наверняка разозлил бы некоторых в этой комнате, поэтому я начала импровизировать:

– Это поможет мне подготовиться к колледжу.

Ну да! С таким же энтузиазмом дети говорят, что не боятся прививки от гриппа. Плохой выбор. Отец заерзал в кресле и вздохнул. Я стала придумывать другой вариант ответа, но поняла, что любой прозвучит не к месту.

Миссис Коллинз перелистывала мои бумаги.

– Ты продемонстрировала невероятные способности в гуманитарных науках, особенно в рисовании. Я не предлагаю тебе отказаться от всех курсов по бизнесу, но ты могла бы поменять один из них на занятия по изобразительному искусству.

– Нет! – рявкнул папа. Он так сильно наклонился вперед, что почти встал на носки. – Эхо не будет ходить ни на какие занятия по изобразительному искусству, вам ясно?

Мой отец являл собой странную комбинацию инструктора по строевой подготовке и белого кролика[6 - Имеется в виду персонаж из сказка Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес».] из известной сказки: он всегда спешил на какие-то важные встречи и любил всеми командовать.

Надо отдать должное миссис Коллинз: она даже не дрогнула, хотя и отступила.

– Предельно.

– Ну, раз уж мы во всем разобрались... – Эшли подвинулась на край кресла, намереваясь встать. – Я случайно перепутала даты и записалась сегодня на УЗИ. Мы сможем узнать пол ребенка.

– Миссис Эмерсон, расписание Эхо – не причина сегодняшней встречи, но я пойму, если вам нужно уйти.

Психолог достала из верхнего ящичка бланк документа, а Эшли, смутившись и покраснев, откинулась на спинку кресла. За прошедшие два года мне уже не раз доводилось видеть такие бумаги – Службе по защите детей нравилось уничтожать леса.

Миссис Коллинз читала письмо, а я втайне мечтала неожиданно воспламениться. Мы с папой сгорбились каждый в своем кресле. Ничто так не доставляет удовольствие, как групповая терапия!

Ожидая, пока терапевт закончит изучать бумагу, я принялась разглядывать то, что было наставлено и навалено поверх ее стола. Вот фотография миссис Коллинз с каким-то мужчиной, возможно, ее мужем, возле компьютера устроилась мягкая игрушечная лягушка, а в углу стола свернулась голубая лента наподобие тех, что получают за победу в конкурсе. И я почему-то заволновалась. Гм... странно.

Миссис Коллинз пробила документ дыроколом и подшила в мою и без того толстую папку.

– Ну вот. Теперь я официально твой терапевт.

Когда она замолчала, я оторвала взгляд от ленты и посмотрела на женщину. Психолог внимательно следила за мной.

– Милая ленточка, не так ли, Эхо?

Папа кашлянул и одарил миссис Коллинз убийственным взглядом. Ладно, это была странная реакция. С другой стороны, его раздражал уже сам факт того, что приходится торчать здесь. Я опять покосилась на ленту. Почему она кажется такой знакомой?

– Наверное.

Взгляд психолога остановился на цепочке с армейским жетоном у меня на шее, которую я машинально теребила.

– Сочувствую вашей утрате. В каких войсках он служил?

Ну, супер! У папы будет гребаный сердечный приступ. Он всего лишь семьдесят пять раз сказал, что армейские жетоны Эйриса должны оставаться в коробке под моей кроватью, но сегодня они были мне нужны: новый терапевт, годовщина смерти брата (прошло два года) и мой первый день последнего семестра в школе.

Меня затошнило. Избегая папиного хмурого и недовольного взгляда, я сосредоточилась на том, чтобы обнаружить секущиеся кончики в своих прядях.

– В морском флоте, – сухо ответил он. – Послушайте, у меня встреча с очень перспективными клиентами, и я пообещал Эшли пойти с ней к врачу, а Эхо пропускает занятия. Когда мы уже закончим?

– Когда я скажу. Если вы будете усложнять наши сеансы, мистер Эмерсон, я буду иметь удовольствие позвонить социальному работнику Эхо.

Я старательно пыталась спрятать улыбку, расползающуюся на моих губах. Миссис Коллинз держала нас в ежовых рукавицах. Папа отступил, но тут влезла моя мачеха...

– Я не понимаю. Эхо скоро исполнится восемнадцать. Почему она все еще находится под опекой государства?

– Потому что наше государство, ее социальный работник и лично я считаем, что это в ее же интересах. – Миссис Коллинз закрыла мою папку. – Эхо будет ходить ко мне на терапию до окончания школы, то есть до весны. Потом штат Кентукки оставит вас в покое. – Женщина подождала, пока Эшли не кивнула, молча соглашаясь со сложившейся ситуацией, и заговорила снова: – Как ты поживаешь, Эхо?

Шикарно. Просто фантастика. Хуже не бывает.

– Хорошо.

– Правда? – Она постучала пальцем по подбородку. – Однако годовщина смерти твоего брата, как я полагаю, могла вызвать печальные эмоции.

Миссис Коллинз внимательно следила за моей реакцией, а я тупо пялилась на нее в ответ. Отец и Эшли наблюдали за этим неловким моментом. Меня грызло чувство вины. Фактически это не был вопрос, так что отвечать на него совсем не обязательно. Однако желание угодить психологу накрыло меня, как приливная волна. С чего бы это? Она просто очередной терапевт из череды уже не раз сменившихся психоаналитиков. Одни и те же вопросы, обещания помочь. Потом специалист исчезал, а я оставалась все в том же состоянии, как и в первый день нашей встречи – сломленном и разбитом.

– Она постоянно плачет, – нарушил тишину писклявый голос Эшли. Вид у нее был при этом такой, словно мачехе не терпелось поделиться каким-то особо жареным фактом из жизни закрытого загородного клуба. – Эхо очень скучает по Эйрису.

И отец, и я повернулись, чтобы посмотреть на эту блондинку. Я хотела, чтобы она не останавливалась, в то время как отец наверняка мечтал, чтобы она заткнулась. Хоть однажды Бог да услышал мои молитвы, потому что Эшли продолжала:

– Мы все скучаем по нему. Так грустно, что мой ребеночек никогда с ним не познакомится.

И вот опять: добро пожаловать на шоу Эшли, спонсор программы – Эшли и деньги моего отца. Миссис Коллинз быстро записывала каждое неосторожное слово мачехи в мою папку, а папа тихо простонал.

– Эхо, ты хотела бы поговорить об Эйресе на сегодняшнем сеансе? – спросила миссис Коллинз.

– Нет. – Похоже, это был самый честный ответ из тех, что прозвучал за сегодняшнее утро.

– Все нормально, – кивнула она. – Мы оставим это на следующий раз. Как насчет твоей мамы? Общалась ли ты с ней?

– Нет, – в унисон ответили папа с Эшли, в то время как я выпалила: – Что-то вроде того!

Когда они оба уставились на меня, я почувствовала себя начинкой сэндвича. Не знаю, что подтолкнуло меня сказать правду.

– Я пыталась дозвониться ей на каникулах.

Когда мама не ответила, я продолжала сутками сидеть у телефона, надеясь и молясь, что мама вспомнит о том, как два года назад мой брат – ее сын – умер.

Отец провел рукой по лицу.

– Ты же знаешь, что тебе запрещено общаться со своей матерью! – В его голосе звенела злость – он не мог поверить, что я рассказала терапевту о своем проступке, в который та теперь обязательно вцепится. Так и вижу, как социальные работники радостно выплясывают джигу в папиной голове. – Судебным решением! Скажи мне, Эхо, это был стационарный или мобильный телефон?

– Стационарный, – выдохнула я. – Но мы не разговаривали. Клянусь.

Он провел пальцем по своему «блэкберри», и на экране появился номер адвоката. Я сжала армейский жетон с такой силой, что имя Эйриса и серийный номер отпечатались на моей ладони.

– Прошу тебя, папочка, не делай этого, – прошептала я.

Он замешкался, и мое сердце заколотилось в груди. А затем, слава богу, опустил телефон на колени.

– Теперь нам придется сменить номер.

Я кивнула. Плохо, что мама никогда не сможет позвонить мне домой, но я приму этот удар... ради нее. Не хватало ей еще угодить из-за меня в тюрьму.

– С тех пор ты с ней больше не связывалась? – Миссис Коллинз утратила все свое дружелюбие.

– Нет. – Я закрыла глаза и глубоко вдохнула. Все внутри меня отдавалось болью. У меня больше не было сил делать вид, что все хорошо. От череды вопросов мои душевные раны, которые только-только начали затягиваться, снова открылись.

– Просто чтобы убедиться, что мы понимаем друг друга: ты осознаешь, что, пока действует судебный запрет, контакты между тобой с мамой невозможны, даже если инициатор – ты? Это неприемлемо.

– Да. – Я снова сделала глубокий вдох. Ком в моем горле отказывался пропускать драгоценный кислород. Я скучала по Эйрису и по маме, а у Эшли скоро будет ребенок, и папа постоянно давит на меня, и... Мне нужно что-нибудь. Что угодно.

Невзирая на доводы рассудка, я позволила словам сорваться с моего языка:

– Я хочу починить машину Эйриса.

Быть может, а вдруг это окажется правдой: если я почию то, что когда-то принадлежало моему брату, это заставит боль уйти.

– Ох, опять ты за свое, – пробормотал отец.

– Подождите. Вы о чем? Эхо, о чем ты говоришь? – спросила миссис Коллинз.

Я уставилась на перчатки на своих руках.

– Эйрис нашел на свалке «Корветт»[7 - Chevrolet Corvette – двухместный заднеприводной спортивный автомобиль, выпускаемый под маркой Chevrolet компанией General Motors в США с 1953 года.] 1965 года. Все свободное время он проводил за его починкой, и, когда брат он отправился в Афганистан, машина была почти готова. Я хочу завершить начатое. Ради Эйриса.

Ради себя. После смерти брата у меня от него ничего не осталось – только эта машина.

– Звучит как вполне здоровый способ оплакать его. Что вы об этом думаете, мистер Эмерсон? – Миссис Коллинз уставилась на отца большими щенячьими глазами – мне такому еще учиться и учиться.

Папа снова провел пальцами по своему «блэкберри». Физически он присутствовал в этой комнате, но мыслями уже находился в офисе.

– Это дорого стоит, и я не вижу смысла чинить сломанную машину, когда у нее есть другая в рабочем состоянии.

– Тогда разреши мне зарабатывать самой! – выпалила я. – И мы сможем продать мою машину, как только я приведу в порядок «Корветт» Эйриса.

Теперь взгляды всех присутствующих были направлены на отца, а его – на меня. Сама того не желая, я загнала отца в угол. Он хотел сказать «нет», но это рассердило бы нового терапевта. В конце концов, во время сеансов мы должны выглядеть идеальной семьей. И не дай бог вынести из них что-то полезное и обсудить реальные проблемы.

– Прекрасно, но Эхо должна сама оплачивать починку машины. Мои правила неизменны: гибкий график, а еще работа не должна мешать учебе: посещать курсы, о которых мы договаривались, или повлиять на оценки. Теперь мы закончили?

Миссис Коллинз посмотрела на часы.

– Не совсем. Эхо, твой социальный работник продлил терапию до окончания школы, потому что на этом настаивали учителя. Все заметили, что ты держишься на отдалении от своих сверстников и не участвуешь в жизни класса. – Добрые глаза женщины вглядывались в мои. – Мы желаем тебе только счастья, Эхо, и я бы хотела, чтобы ты дала мне возможность помочь тебе.

Я подняла бровь. Будто у меня был выбор. А что касается моего счастья – что же, желаю вам удачи!

– Конечно.

Меня перебил веселый голос Эшли:

– У нее есть партнер на вечер в честь Дня святого Валентина.

Теперь настала наша с папой очередь одновременно воскликнуть:

– Есть?

Взгляд Эшли нервно заметался между мной и отцом.

– Ну да, помнишь, Эхо? Вчера мы с тобой обсуждали нового парня, который тебе приглянулся, и я сказала, что не стоит забывать о друзьях, даже если ты сходишь с ума по какому-то мальчику.

Я задумалась, что сейчас беспокоит меня больше: воображаемый парень или то, что мачеха утверждает, будто мы с ней общаемся.

Пока я решала, что хуже, папа поднялся и надел пальто.

– Видите, миссис Коллинз, с Эхо все нормально. Просто она немного помешана на своем романе. Мне чрезвычайно нравится ваша терапия, но у Эшли через двадцать минут встреча с доктором. Кроме того, я не хочу, чтобы Эхо пропустила остальные занятия.

– Эхо, ты действительно хочешь заработать денег на починку машины? – спросила миссис Коллинз, вставая, чтобы проводить папу и мачеху.

Я натянула повыше перчатки, чтобы скрыть оголенные участки кожи.

– Больше, чем вы можете себе представить.

Женщина улыбнулась мне, прежде чем выйти в коридор.

– Тогда у меня есть для тебя работа. Подожди здесь, и мы обсудим детали.

Все трое остановились в дальнем конце холла и о чем-то зашептались. Папа положил руку на талию Эшли, а та прильнула к нему. Оба согласно кивали в ответ на тихие слова миссис Коллинз.

Знакомое чувство ревности и злости снова взорвало меня изнутри. Как отец мог любить ее, когда она столько всего разрушила?

Глава 2

Ной

Запах свежей краски и гипсокартона всегда напоминал мне об отце, а не о школе. Но именно этот «аромат» ударил мне в нос, когда я зашел в недавно отремонтированный главный офис. Зажав в руке учебники, я побрел к стойке администратора.

– Как дела, миссис Маркос?

– Ной, мучачо[8 - Мой мальчик (исп.).], ты почему так поздно? – спросила она, сшивая документы.

Часы на стене показывали девять часов утра.

– Да ведь сейчас чертовски рано!

Миссис Маркос вышла из-за своего нового стола из вишневого дерева и подошла к стойке. Когда я опаздывал, она всегда отчитывала меня, но я все равно считал эту женщину классной. Она напоминала мне мою мать, только ее латиноамериканскую версию – длинные волосы миссис Маркос были темно-каштановыми.

– Ты пропустил встречу с миссис Коллинз. Не самое лучшее начало второго семестра, – прошептала она, выписывая мне наказание за опоздание. Миссис Маркос бросила взгляд в сторону троих взрослых, которые тесной группкой стояли в углу комнаты. Судя по всему, та блондинка средних лет, что шепталась с зажиточного вида парочкой, и есть новый психолог.

Я пожал плечами и криво улыбнулся.

– Вот незадача.

Женщина передала мне бумажку и окинула своим коронным суровым взглядом: кроме нее все в школе считали, что мне и моему будущему – крышка.

И тут меня и окликнула та самая блондинка:

– Мистер Хатчинс, я безумно счастлива, что вы помните о нашей встрече, хоть и опоздали на нее. Уверена, что вы не против подождать здесь, пока я закончу со своими делами.

Она улыбнулась мне как старому другу, и голос ее звучал так мило, что я едва не улыбнулся в ответ. Но я ограничился кивком, плюхаясь на один из стульев для посетителей, которые выстроились вдоль стенки.

Миссис Маркос рассмеялась.

– Что?

– Она не будет мириться с твоим наплевательским отношением. Возможно, миссис Коллинз даже удастся заставить тебя воспринимать школу всерьез.

Я прислонил голову к стене и закрыл глаза, отчаянно нуждаясь в еще паре часов сна. Из ресторана, который работал до последнего посетителя, я смог уйти только в полночь, а потом мне не давали спать Исая и Бет.

– Миссис Маркос? – зазвучал рядом со мной ангельский голосок. – Не могли бы вы, пожалуйста, назвать даты следующего ACT и SAT?

В этот момент зазвонил телефон, и женщина, попросив девушку подождать, ушла. Вскоре телефон умолк.

В соседнем ряду подвинули стул, и я чуть не захлебнулся от слюноотделения, почувствовав аромат горячих булочек с корицей. Приоткрыв глаза и скосившись в сторону, я заметил рыжие выющиеся шелковистые волосы. Эту девушку я знал. Эхо Эмерсон.

В ее внешности не было ничего от булочки с корицей, но черт меня побери, если она ими не пахнет. По некоторым предметам у нас совпадали расписания, а в прошлом семестре мы еще и начали вместе ходить на факультативное занятие. Я мало что о ней знал: только то, что она умная, рыжеволосая и у нее большая грудь. Сегодня на девушке была мешковатая рубашка, которая оголяла плечи, и обтягивающая майка под ней, открывавшая достаточно, чтобы дать волю фантазиям.

Как обычно, Эхо смотрела прямо перед собой, будто меня не существовало. Черт, скорее всего, в ее мире места для меня действительно не было. Такие люди, как Эхо Эмерсон, чертовски меня бесили.

– У тебя отстойное имя, – пробормотал я. Не знаю, почему мне так хотелось вывести ее из себя, но желание оказалось непреодолимым.

– Разве ты не должен сейчас ширяться в уборной?

Значит, она меня все-таки знает.

– В ней установили камеры видеонаблюдения. Теперь мы ширяемся на парковке.

– Прости, ошиблась. – Ее нога лихорадочно закачалась взад-вперед.

Отлично, я преуспел в том, чтобы пробраться под эту скорлупу идеальности.

– Эхо... эхо... эхо...

Нога замерла, а рыжие кудри резко взметнулись вверх, когда девушка повернула ко мне голову.

– До чего оригинально, никогда не слышала этой шутки.

Она подхватила сумку и вышла из офиса. И пока Эхо шла по коридору к двери, ее упругая попка покачивалась из стороны в сторону. М-да, и близко не так весело, как мне казалось. Я даже почувствовал себя придурком.

– Ной? – позвала меня в свой кабинет миссис Коллинз.

У моего прошлого психолога у самого были большие проблемы с ОКР[9 - Обсессивно-компульсивное расстройство – психическое расстройство, которое часто сопровождается чрезмерным стремлением к чистоте и порядку.]. В его офисе царил идеальный порядок. Я имел обыкновение переставлять предметы у него на столе, просто чтобы вывести мужика из себя. С миссис Коллинз так не повеселишься. На ее столе царил полнейший хаос. Я мог бы закопать там труп, и его бы никогда не нашли.

Заняв место напротив, я приготовился к тому, что мне будут фигурально надирать зад.

– Как прошли рождественские каникулы? – На лице женщины вновь появилось это трогательно-щенячье выражение.

– Хорошо.

Если, конечно, считать признаком хорошего Рождества то, что приемные родители начинают орать друг на друга и кидать подарки в камин. Всегда мечтал провести этот праздник в гребаном подвале, наблюдая, как оттягиваются мои друзья.

– Замечательно. Значит, дела в новой приемной семье идут хорошо.

Прозвучало как утверждение, но на деле – это был вопрос.

– Ага.

Если сравнивать их с предыдущими тремя семьями, то они чертова «Семейка Брэди»[10 - «Семейка Брэди» (The Brady Bunch) – американский комедийный сериал, в котором рассказывалось о многодетном овдовевшем отце, который женится на вдове с тремя детьми.]. На этот раз меня поселили вместе еще с одним пареньком. Либо у системы опеки не хватало домов, либо они наконец-то поверили, что я не представляю угрозу для общества. Таким, как я, запрещалось проживать с другими несовершеннолетними.

– Слушайте, у меня уже есть соцработник, и она та еще заноза в заднице. Одной достаточно. Скажите начальству, что не хотите тратить на меня свое время.

– Я не соцработник. Я клинический психолог.

– То же самое.

– Вообще-то нет. Я училась гораздо дольше.

– Рад за вас.

– И это значит, что я могу предоставить тебе другой уровень помощи.

– Штат платит вам за это?

– Да.

– Тогда мне не нужна ваша помощь.

Ее губы дернулись, будто женщина хотела улыбнуться, и я даже подумал, что она не так уж плоха в своем деле.

– Как насчет того, чтобы говорить начистоту? Судя по твоему личному делу, тебя обвиняли в насилии.

Я уставился на миссис Коллинз. Она – на меня. В этой папке была куча дерьма, но я давным-давно понял, что слово подростка ничего не значит против слова взрослого человека.

– Мне кажется, что в этой папке, Ной, – миссис Коллинз трижды постучала по ней пальцем, – далеко не вся информация. Я общалась с твоими учителями из Хайлэнда. Их описание не имеет ничего общего с молодым человеком, который сидит передо мной.

Я так сильно впился в металлическую спираль своего блокнота, что у меня заболела ладонь. Черт возьми, кем себя возомнила эта дамочка, чтобы копаться в моем прошлом?!

Она пролистала бумаги моего дела.

– За последние два с половиной года ты сменил не одну приемную семью. С момента смерти родителей это уже четвертая твоя школа. Что меня заинтересовало, так это то, что полтора года назад ты постоянно числился среди отличников, делал успехи как спортсмен. Эти качества редко сочетаются с дисциплинарным проступком.

– Может, вам нужно копнуть глубже. – Я хотел, чтоб эта женщина исчезла из моей жизни, а лучший способ добиться желаемого – запугать ее. – Если бы вы это сделали, то знали бы, что я избил своего первого приемного отца.

На самом деле я врезал ему, когда тот лупил своего биологического сына. Забавно, что, когда приехали копы, никто в той семье не встал на мою защиту. Даже мальчишка, за которого я заступился.

Миссис Коллинз замолчала, словно ждала, что я расскажу свою версию этой истории, но она глубоко ошибалась. После смерти родителей я успел усвоить, что в службе опеки на тебя глубоко наплевать. Окажешься в их лапах, считай, пропал.

– Твой бывший психолог из Хайлэнда отзывался о тебе с уважением. Ты попал в школьную баскетбольную команду, хорошо успевал, участвовал в нескольких мероприятиях, стал популярным среди сверстников. – Женщина внимательно смотрела на меня. – Думаю, мне бы понравился этот парень.

Мне бы тоже... Но такова наша отстойная жизнь.

– Немного поздновато пробоваться в баскетбольную команду – середина сезона и все такое. Думаете, тренер не будет против моих татушек?

– Я не заинтересована в том, чтобы вернуть тебя в твое прошлое, но, думаю, вместе мы сможем построить что-то новое. Это даст шанс на более светлое будущее, чем то, которое тебя ждет, если все останется как есть сейчас.

Казалось, она говорила от души, не лукавила. Мне чертовски хотелось ей поверить, но тяжелое прошлое научило меня никому не доверять. Я продолжал молчать, сохраняя безразличную мину на лице.

Женщина первая нарушила зрительный контакт и покачала головой.

– У тебя была несладкая жизнь, но возможностей еще немало. Результаты твоих тестов феноменальны, учителя заметили твой потенциал. Но над средним баллом нужно поработать, как и над твоей посещаемостью. Одно зависит от другого. У меня есть идея: помимо наших встреч раз в неделю, ты будешь ходить на дополнительные занятия, пока твой средний балл не будет соответствовать результатам тестов.

Я встал. Первый урок давно прошел. Эта маленькая забавная встреча заняла весь второй. Но поскольку я уже оторвал задницу от кровати, то намеревался все-таки попасть на занятия.

– У меня нет на это времени.

Ее голос стал строже:

– Ты хочешь, чтобы я позвонила твоему соцработнику?

Я повернулся к выходу.

– Давайте. Что она сделает? Запретит встречаться с семьей? Отдаст на попечение приемным родителям? Продолжайте копать и увидите, что для меня уже слишком поздно.

– Ной, когда ты последний раз виделся с братьями?

Моя рука замерла на дверной ручке.

– Что, если я предложу тебе посещения под строгим контролем?

Я отпустил ручку и снова уселся на стул.

Будь у меня возможность носить перчатки постоянно, я бы чувствовала себя гораздо увереннее, но дурацкий школьный дресс-код не позволял мне этого делать. Посему мой гардероб полностью состоял из одежды с длинным рукавом – чем длиннее, тем лучше.

Я натянула рукава на пальцы, и голубая хлопковая рубашка соскользнула с моего правого плеча. Раньше вероятность того, что люди будут пялиться на мою бледную кожу с редкими веснушками, привела бы меня в ужас. Сейчас же я предпочитала, чтобы все смотрели на голое плечо, чем украдкой пытались разглядеть шрамы на руках.

– Она сказала с кем? Спорим, это Джексон Колман! Я слышала, что у него проблемы с математикой, и если он ее не подтянет, то может попрощаться со своей стипендией в колледже. Боже, пусть это будет он! Этот парень такой сексуальный...

Моя лучшая подруга, Лила Маккормик, впервые глотнула воздуха после того, как я вкратце рассказала ей о терапии и своей новой работе, которую мне неожиданно предложила миссис Коллинз, – репетиторстве.

Лила была своеобразной версией Доброй Волшебницы Глинды из Иствик Хай, только рот у нее никогда не закрывался, а еще Лила предпочитала весьма обтягивающие туалеты. Она жила в собственном прекрасном пузыре, даря миру счастье и радость.

Встав с подругой в очередь, я чуть не захлебнулась слюной от чудесного аромата жареной картошки и пиццы. Но из-за внезапно нахлынувшей тошноты не рискнула купить себе поесть. Мое сердце быстро заколотилось, и я сильнее прижала альбом с набросками к груди. Не могу поверить, что действительно нахожусь в школьной столовой! Мы с Лилой дружили еще с детского сада, и на Рождество она загадала, чтобы я перестала обедать в библиотеке и вернулась на свое место за столом.

Звучит легче легкого, но все совсем не так. Последний раз я обедала в столовой в начале мая в десятом классе: за день до того, как моя жизнь пошла прахом. В

те времена никто не пялился на меня и не шептался за спиной.

– Кто сексуальный? – Натали влезла вне очереди и встала между мной и Лилой. Парни позади нас раздраженно застонали от ее наглости. Как обычно, она не обратила на них никакого внимания. Натали была второй, кто отказался обращаться со мной как с изгоем, из-за слухов, распускаемых в школе.

Лила собрала свои гладкие золотистые волосы в хвостик и расплатилась с кассиром.

– Джексон Колман. Эхо будет заниматься репетиторством с каким-то счастливчиком, и я думаю, что это может быть он. А ты кого добавишь в наш список горячих и туповатых парней?

Я последовала за ними к столику, пока Натали осматривала столовую, размышляя о других кандидатурах.

– Николас Грин. Он тупой как пробка, но я бы съела его на десерт. Как думаешь, Эхо, сможешь нас познакомить, если будешь с ним заниматься?

– Кого с кем надо познакомить? – спросила Грейс. Девочки уже уселись, а я замешкалась.

Однако как только Грейс заметила меня, улыбка на ее губах померкла. Это и была главная причина, по которой я не хотела возвращаться в столовую. До происшествия мы были лучшими подругами и, в каком-то смысле, остались ими даже после. Во время летних каникул Грейс каждый день навещала меня в больнице и дома, но когда начался одиннадцатый класс и мой статус среди одноклассников резко упал, то же случилось с нашей дружбой... по крайней мере, на людях. Наедине девушка продолжала утверждать, что любит меня как родную сестру. Все остальные вели себя так, будто меня не существует.

– Нат с Николасом Грином. – Лила похлопала по месту между ней и Натали.

Не в состоянии больше маячить у всех на виду, я плюхнулась на стул, ссутулилась и положила свой альбом на край стола.

Остальные девушки уставились на меня и начали перешептываться. Одна из них захихикала. С момента возвращения в школу моя популярность сошла на нет. Слухи о том, почему я отсутствовала последний месяц десятого класса, продолжали циркулировать: беременность сменилась лечением от наркозависимости и попыткой суицида. Мои перчатки стали искрой, а потеря памяти – спичкой. Когда я вернулась осенью, школа взорвалась волной сплетен.

– Эхо будет заниматься репетиторством с каким-то глуповатым красавчиком, – продолжала Лила. – Мы пытаемся угадать с кем.

– Ну, не томи нас, Лила. Кого Эхо будет подтягивать? – Грейс перевела взгляд с Лилы на девочек, которые сидели рядом с нами. Перейдя в одиннадцатый класс, она узнала, что может стать капитаном команды болельщиц. Трудная задача, учитывая то, что Грейс в этой компании всегда пребывала даже не на вторых, а на третьих ролях. Я надеялась, что, когда она выиграет выборы, наши отношения снова наладятся. Ошибалась.

– Спроси Эхо. – Лила впилась зубами в яблоко, и ее суровый взгляд остановился на Грейс.

За нашим столом стало пугающе тихо. Самая красивая девочка школы открыто бросала вызов самой популярной девочке школы. В столовой все замолчали и приготовились смотреть шоу. Могу поклясться, что в помещении потянуло запахом прерий, а из динамиков зазвучала ковбойская мелодия из старых вестернов с классическим посвистыванием.

Я пихнула Лилу ногой, мысленно моля ее ответить за меня и не заставлять Грейс признать мое присутствие перед другими людьми. Время шло, а никто из них не прерывал зрительный контакт. Наконец я не выдержала.

– Не знаю. Я встречу с ним после обеда.

Миссис Коллинз отказалась говорить, с кем я буду заниматься. Только пробормотала что-то о том, что ей надо обсудить с парнем еще пару деталей, прежде чем мы встретимся.

Напряжение спало, наблюдатели за соседними столиками зашевелились, и столовая наполнилась привычным гулом. Грейс расслабилась и с облегчением

выдохнула, увидев, как отреагировали ее новые подружки.

– Я тоже хочу поиграть в «угадай привлекательного дурачка», – подмигнула мне она, убедившись, что никто не смотрит в нашу сторону. В который раз мне снова захотелось, чтобы жизнь вернулась к норме.

Когда Грейс высказала свое предположение, остальные тоже решили присоединиться к игре. А я делала набросок лица подруги – новая короткая стрижка идеально обрамляла ее лицо. Я слушала, как девушки сыпали именами и рассказывали новые сплетни, подтверждающие их правоту.

– Может, Эхо будет учить Люка Мэннинга, – предположила Лиля, подтолкнув меня под локоть. – Красавчик, и смысленным его не назовешь.

Закатив глаза, я постаралась стереть темную линию на своем рисунке – результат активности Лилы. Она до сих пор лелеяла надежду, что Люк, мой парень из прошлой жизни, все еще питал ко мне какие-то чувства. Свое мнение она обосновывала выдуманными историями о том, как он смотрел на меня, пока я не видела.

– Люк и Диана расстались во время зимних каникул, – сказала Грейс. – Ди говорит, что это она его бросила. Люк – что он ее. Кто знает, возможно, нам никогда не узнать правды.

– Ты бы кому поверила, Эхо? – спросила Натали. Нужно отдать ей должное: подруга хотела, чтобы я участвовала в разговоре, и неважно, хотела ли этого я.

Я сконцентрировалась на завитках волос на ухе Грейс. Мы познакомились с Люком в девятом классе на уроке английского, после чего встречались полтора года. И в нашей компании я стала настоящим экспертом во всем, что касалось этого парня. Правда, с момента нашего расставания такие эксперты появились практически за каждым столиком.

– Трудно сказать. Когда я бросила Люка, он не пытался ничего придумать. Однако с тех пор Люк очень изменился.

– Ной Хатчинс, – проговорила Натали.

Я перестала рисовать, не понимая, какое отношение Ной имел к Люку.

– Что?

– «Угадай, кто тот красавчик», помнишь? Ной Хатчинс определенно сексуален. Я бы с ним позанималась. – Лила посмотрела на столик, за которым сидел этот парень и его покрытые татуировками приятели, чуть ли не пуская слюни.

И как она могла таять от вида парня, который насмехался надо мной?!

Грейс разинула рот от удивления.

– Ага, и стать такой же, как он? Ни за что!

– Я сказала, что с ним бы позанималась, а не отправилась на выпускной бал. Кроме того, если верить слухам, то уже многие девушки объездили этого жеребца и насладились каждой секундой.

Грейс изучающе уставилась на Ноя, пройдясь по нему взглядом с головы до пят.

– Твоя правда. Он сексуален, но, поговаривают, что его интересует только разовый перепих. Хотя Белла Монахан пыталась завязать с ним отношения. Таскалась за ним повсюду, как жалкая собачонка. Но он предпочитал иметь ее на заднем сиденье, и все. – Грейс любила копаться в чужом грязном белье. – Какие-то две-три недели, и девчонка потеряла парня, девственность, репутацию и самоуважение. После чего ее перевели в другую школу.

Такие, как Ной Хатчинс, меня просто бесили. Он использовал девушек, ходили слухи о том, что даже покуривал травку, и этим утром заставил меня почувствовать себя ничтожеством. С другой стороны, чему удивляться? В прошлом семестре у нас с ним совпали некоторые классы. Парень заходил в кабинет с таким видом, словно он повелитель вселенной, и самодовольно ухмылялся, когда девушки из кожи вон лезли, чтобы он их заметил.

– Ну и придурок.

Словно услышав мои слова с другого конца зала, Ной окинул меня взглядом своих темных глаз. И хотя их скрывала копна каштановых волос, я была уверена, что парень смотрел именно на меня. Хатчинс улыбнулся, и я заметила легкую щетину на его лице. Ной был обладателем отличной мускулатуры, что обеспечивало и женское внимание, и множество неприятностей. Даже в обычном прикиде, состоящем из джинсов и майки, он провоцировал чувство опасности. Однако парни с такой репутацией меня никогда не привлекали.

И все же, сделав глоток колы, я украдкой еще раз стрельнула глазами в его сторону.

– Как грубо, Эхо. Ты же не обо мне говоришь?

Рядом послышался звук отодвигаемого стула. Люк развернулся так, чтобы втиснуться между Натали и Грейс. Да ла-а-адно! С момента нашего расставания мы с Люком хорошо если парой слов перекинулись. И почему все сегодня пытались втянуть меня в разговор?

– Нет, – ответила Лила. – О тебе мы говорили до этого. Эхо назвала придурком Ноя Хатчинса.

Я снова пихнула ее ногой под столом. В ответ подруга одарила меня особенным взглядом.

– Хатчинса?

Люк Мэннинг: двухметровый качок, черноволосый, голубоглазый, капитан баскетбольной команды, сексуальный и самовлюбленный. К моему ужасу, он смерил Ноя презрительным взглядом.

– И чем этот любитель травки заслужил твой гнев?

– Ничем. – Я опять спряталась за альбомом. И когда одна из новых подружек Грейс пробормотала что-то о моей странности, щеки залились краской. Почему Лила, Натали и Люк не могли просто оставить меня в покое? Стоило мне вылезти из своей раковины, как обо мне принимались судачить еще активнее.

К несчастью, Лила решила проигнорировать мое смущение и предупреждающий толчок.

– Сегодня утром он насмехался над Эхо, но не волнуйся – она его послала.

Я так сильно вцепилась в карандаш, что тот выгнулся в моих пальцах. Меня охватило непреодолимое желание вырвать у Лилы пару прядей ее великолепных волос. Учителя и миссис Коллинз глубоко ошибались. Общение со сверстниками – это сущий кошмар.

Люк прищурился.

– Что он сказал тебе?

Я наступила Лиле на ногу и пристально посмотрела на нее.

– Ничего.

– Он сказал, что у нее отстойное имя, изобразив эхо. Так шутят дети в начальных классах.

О боги, я хочу убить свою лучшую подругу!

– Хочешь, я поговорю с ним? – уставился на меня Люк.

Я помнила этот взгляд. С таким собственническим видом парень смотрел на меня в то время, когда мы встречались. Грейс и Натали расплылись в улыбке Чеширского кота. На Лилу я вообще отказывалась смотреть – та только что не подпрыгивала на месте. Теперь ее фантазиям о моем воссоединении с Люком не будет конца.

– Нет. Он просто дурак, который ляпнул глупость. Скорее всего, он уже и сам об этом не помнит.

Люк усмехнулся.

– Верно. У них не столик, а отстойник. Ты знала, что Хатчинс – приемный?

Все сидевшие за моим столом громко ахнули от новой сплетни. Я снова посмотрела на Ноя. Казалось, он был полностью поглощен разговором с какой-то черноволосой девушкой.

– Ага, – продолжал Люк. – Я услышал в коридоре, как миссис Роджерс и мистер Норрис обсуждали его.

Прозвенел звонок, завершая его минуту славы и распространение закрытой информации о Ное Хатчинсе.

Пока я выбрасывала остатки своего ланча, мимо меня прошла Грейс.

– Это было бы потрясающе, Эхо, если вы с Люком снова сойдетесь, – быстро прошептала она, – твоя жизнь изменится. Те, с кем он общается и встречается, всегда в фаворе у остальных. Может, все вновь вернется на круги своя.

В этот момент Грейс позвала ее популярная подружка, и девушка сразу метнулась к ней. Я вздохнула и натянула рукава на пальцы. Я бы все отдала, чтобы вернуть свою прежнюю жизнь.

Глава 4

Ной

Я не врал миссис Коллинз. У меня не было времени на дополнительные занятия или на встречи с психологом. В июне мне стукнет восемнадцать, и меня выбросят из системы обеспечения сирот. Это значит, что мне понадобится собственное жилье, для оплаты которого нужна работа. Но миссис Коллинз развела меня, как уличный жулик ребенка. Редких посещений под строгим контролем было недостаточно. Женщина дразнила меня братьями, как наркомана гребаным шприцем.

Моя смена в «Солоде и Бургере» начиналась в пять. Я посмотрел на часы над доской с объявлениями у стола библиотекаря. Какую часть фразы «сразу после окончания занятий тебе нужно встретиться с парнем, которого подтягиваешь, в публичной библиотеке» эта всезнайка не поняла? Возможно, миссис Коллинз упоминала имя моего «преподавателя», но я все прослушал. Эта дамочка слишком много болтала.

Я испепелял взглядом дверь: еще пять минут, и это занятие можно будет официально назвать провальным, о чем я с превеликим удовольствием сообщу миссис Коллинз.

Дверь открылась, и в помещение ворвался поток холодного воздуха, от которого моя кожа покрылась мурашками. Вот черт! Я откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. В библиотеку зашла Эхо Эмерсон.

Она осмотрела зал и потерла руку в перчатке. Будто холодный воздух мог проникнуть в рукава этой выпендренной кожаной куртки! На ее лице застыла легкая солнечная улыбка. Похоже, миссис Коллинз нас обоих держала в неведении. В ту секунду как девушка увидела меня, улыбка сошла с ее губ, а зеленые глаза заволокли гроззовые тучи.

Добро пожаловать в наш гребаный клуб.

Я пихнул стоящий напротив стул.

– Ты опоздала.

Она поставила сумку с книгами на стол, села и придвинулась ближе.

– Мне пришлось зайти в офис, чтобы узнать даты экзаменов. Я бы получила эту информацию утром, да только мне помешал один придурок.

Эхо меня сделала, но я все равно улыбнулся так, будто победа осталась за мной.

– Ты могла остаться. Я ведь не просил тебя уходить.

– Чтобы ты и дальше издевался надо мной? Нет уж, спасибо.

Она сняла коричневую куртку, но перчатки оставила. От Эхо пахло свежестью и дорогой кожей. Ее голубая хлопковая рубашка застегивалась ниже бежевого топа, открывая вид на декольте. Такие девушки, как она, любили дразнить парней. Вот только она не знала, что я был совсем не против.

Заметив мой взгляд, Эхо поправила рубашку, и декольте скрылось из виду. Что ж, было весело. Она сердито посмотрела на меня, видимо, ожидая извинений. Долго же ей придется ждать.

– Какой предмет ты завалил? Все? – В ее зеленых глазах танцевали чертенята. Оказывается, Эхо тоже любит поиздеваться.

Ну ладно, сегодня утром я посмеялся над ней без всякой причины. Она заслужила парочку возможностей на ответный удар.

– Ни одного. Но тут командует миссис Коллинз.

Эхо открыла рюкзак и достала блокнот. Когда девушка сняла перчатки, ее лицо помрачнело, и она тут же натянула на ладони рукава.

– За какой предмет возьмемся первым? У нас с тобой общая физика и математический анализ, можем начать с них. Нужно быть полным идиотом, чтобы завалить бизнес-технологию. – Она замолчала. – Разве ты не ходил со мной на испанский в прошлом семестре?

Я наклонил голову, и волосы скрыли мой взгляд. Для девушки, которая понятия не имела о моем существовании, она обо мне знала слишком много.

– Ага.

И в этом семестре тоже, вообще-то. Эхо всегда приходила в класс перед звонком и, ни на кого не глядя, садилась на первое попавшееся свободное место.

– ¿Que tan bien hablas espa?ol? – спросила она.

Как хорошо я говорю на испанском? Вполне прилично. Я отодвинулся от стола.

– Мне пора идти.

– Что? – От удивления она нахмурилась.

– В отличие от тебя у меня нет родителей, которые будут за меня платить. Я работаю, принцесса, и если сейчас не уйду, то опоздаю. Увидимся.

Схватив учебники и куртку, я встал из-за стола и выскочил из библиотеки. Холодный январский воздух ударил мне в лицо. Асфальт кое-где блестел ото льда.

– Эй!

Я оглянулся. Эхо бежала за мной – кожаная куртка наброшена на руку, рюкзак болтается за спиной.

– Быстро оденься. На улице холодно. – Я не остановился, но пошел медленнее – мне было интересно, что ей еще надо.

Девушка быстро догнала меня и зашагала рядом.

– И куда это ты собрался?

– Я же сказал, на работу. А я-то думал, что ты умная.

Никогда не встречал человека, которого было бы так весело бесить.

– Отлично. Когда мы сможем отработать это занятие?

Я кинул книги на тот кусок дерьма, что считался моей машиной, и на землю посыпались ошметки ржавчины.

– Никогда. Предлагаю сделку: ты скажешь миссис Коллинз, что мы встречаемся после школы столько дней, сколько захочешь. Наберешь сколько тебе нужно часов для своего клуба или еще для чего, а я тебя прикрою. Мне не придется видаться с тобой, а тебе со мной. Я продолжу жить своей отстойной жизнью, а

ты пойдешь домой и будешь демонстрировать новые наряды подружкам. Договорились?

Эхо моргнула и сделала шаг назад, будто я ударил ее. Ступив на лед, девушка поскользнулась. Моя правая рука дернулась вперед и схватила Эхо за запястье прежде, чем она успела рухнуть на землю.

Я продолжал удерживать ее, пока она восстанавливала равновесие, вцепившись в капот моей машины. То ли от смущения, то ли от холода ее бледные щеки покраснели. Смотреть на это было забавно. Но прежде чем я успел отпустить очередную колкость, глаза Эхо округлились и уставились на запястье, которое я сжимал.

Длинный рукав ее рубашки задрался до локтя. Я проследил за ее взглядом, направленным на голую кожу. Эхо попыталась высвободить руку, но я схватил ее крепче, пытаясь справиться с шоком от увиденного. Я жил во многих ужасных семьях, но никогда еще не сталкивался с подобными увечьями. Рука девушки была испещрена белыми и розовыми выпуклыми шрамами.

– Черт, что это такое?!

Я оторвал взгляд от шрамов и вопросительно посмотрел ей в глаза. Эхо ахнула, сделала несколько резких вдохов и снова дернула руку, вырываясь из моей хватки.

– Ничего.

– Это не ничего.

И это что-то должно было чертовски болеть, когда появилось на ее руке.

Эхо снова натянула рукава до пальцев. На ее лице проступила мертвенная бледность, тело содрогнулось.

– Оставь меня в покое.

Отвернувшись, девушка быстро пошла в сторону библиотеки.

Глава 5

Эхо

– Ничего, – успокаивала меня Лила. – Ни слова, ни звука, ни косого взгляда. Мы с Натали и Грейс даже послали разведчиков к малолеткам, но о тебе никаких слухов. Ну, ни одного, который имел бы отношение к Ною Хатчинсу.

Лила сидела на пассажирском сиденье «Корветта» Эйриса, а я – на месте водителя. Подруга зашла ко мне в гости, чтобы спасти от Семейной Пятницы или, как я любила ее называть, «Ужина Проклятых».

Мы сидели в гараже, в моем зеленом «Додже неон» 1998 года играло радио. В «Корветте» Эйриса тоже имелся приемник – ровесник машины. Перевожу: это был просто кусок дерьма, хотя сама машина – просто зверь. Кроваво-красная, с черной горизонтальной полосой... Обычно на этом месте я переставала улавливать суть, но брат все равно продолжал рассказывать, не обращая внимания на полное непонимание в моих глазах, о многофункциональных, вертикальных воздухозаборниках по бокам, затемненной горизонтальной решетке радиатора и разных молдингах на порожках.

Понятия не имею, что это означало, но, по словам Эйриса, достаточно было просто запомнить описание. Машина смотрелась шикарно, но не ездил. А теперь, благодаря Ною Хатчинсу, шансы на то, что ее можно будет вернуть в рабочее состояние, уменьшались с каждым днем. Я крепче вцепилась в руль и вспомнила обещание брата.

Это случилось за несколько дней до его отъезда: он стоял над открытым капотом, а я сидела на верстаке.

– Все будет хорошо, Эхо. – Эйрис скользнул взглядом по моей нервно раскачивающейся ноге. – Нас перебрасывают туда всего лишь на полгода.

– Я в норме, – ответила я, трижды моргнув. Мне не хотелось, чтобы он уезжал. Эйрис был единственным человеком на свете, кто понимал, насколько безумна

наша семья, и единственным, кто был способен поддерживать мир между мной, Эшли и нашим отцом. Брат тоже недолюбливал мачеху, но всегда вставал на ее защиту.

Парень рассмеялся.

– В следующий раз хотя бы попытайся контролировать эту штуку с морганием, она с головой тебя выдает. Однажды отец заметит.

– Ты будешь мне писать? – спросила я, меняя тему. Перед отъездом Эйрис слишком часто говорил об отце.

– По электронной почте и скайпу. – Брат вытер руки грязной тряпкой и выпрямился в свои полные два метра. – Вот, что я тебе скажу. Когда я вернусь и почию машину, ты будешь первой, кто ее поведет. Естественно, после меня.

Я перестала качать ногой и впервые с того дня, как Эйрис рассказал о том, что их переводят, ощутила надежду. Пока машина ждет его, брат непременно вернется домой. Он подарил мне мечту, за которую я держалась после его отъезда. Мои мечты умерли вместе с ним на пустынной дороге в Афганистане.

– О чем задумалась? – отвлекла меня от раздумий Лила.

– О Ное, – соврала я. – У него была целая неделя, чтобы растрепать всей школе о моих шрамах. Как думаешь, чего он ждет?

– Может, ему просто некому рассказывать? Он же наркоман из приемной семьи, которому нужен репетитор.

– Ага, может.

Или, возможно, он выжидал идеального момента, чтобы превратить мою жизнь в настоящий ад.

Лила начала крутить кольца на пальцах – верный признак, что она волнуется.

– Что? – спросила я.

Пришлось напрячься, чтобы разобрать ее тихое бормотание:

– Мы рассказали Люку.

Услышав это, я даже отпустила руль, испугавшись, что раздавлю пластик на маленькие кусочки.

– ЧТО вы сделали?!

Лила заерзала на месте и принялась тереть руками колени.

– Он ходит с нами на занятия по английскому. Вместо того чтобы исправлять друг другу ошибки в письменных работах, мы с Натали и Грейс обсуждали ситуацию с Ноем и твоими шрамами... Люк кое-что подслушал.

Стук моего сердца эхом отдавался в ушах. Я хранила эту ужасную тайну на протяжении почти двух лет, а тут два человека буквально ворвались в мой личный кошмар всего за одну неделю.

Не дождавшись от меня ответа, Лила заговорила снова:

– Эти шрамы – не твоя вина. Тебе совершенно нечего стыдиться, в отличие от твоей матери и, возможно, отца. Но тебе? Нет. Люк и так знал, что твоя мама была безумной до чертиков, но никогда никому об этом не говорил. Хотя он и туповат, но даже ему хватило ума, чтобы сообразить, что это мама ранила тебя.

Что мне сделать? Разозлиться? Обрадоваться? Я предпочла хранить безразличный вид.

– Она не безумная, – пробормотала я, зная: что бы я ни сказала о своей матери, меня никто не будет слушать. – У нее просто... есть свои проблемы.

Лила медленно и нежно накрыла мою ладонь своей, слегка сжав мои пальцы в знак поддержки. Тем самым она напоминала, что любит меня несмотря ни на что.

– Мы думаем, что тебе нужно всем рассказать. Перейти, так сказать, в наступление, а не занимать оборонительную позицию. Если об этом заговорит Ной, люди уже будут знать правду и подумают, что он придурок, раз смеется над тобой.

Я уставилась на верстак Эйриса. Мой отец никогда не был в ладах с инструментами – если что-то ломалось, он вызывал мастера. А вот Эйрис любил с ними возиться. Все свободное время он проводил в гараже. Господи, как же он мне нужен! Брат бы подсказал мне, что делать.

– Эхо, пожалуйста, поговори со мной. – Горечь в ее голосе разбивала мне сердце.

– Чья это была идея? – спросила я, хоть и так знала ответ. – Грейс?

Она всегда была за то, чтобы я рассказала о случившемся всей школе.

– Это несправедливо, – выдохнула Лила. – Конечно, Грейс поступила нечестно по отношению к тебе. Она клялась, что весь этот бред с личными отношениями и отношениями на публике закончится, когда ее выберут лидером команды поддержки. Но, Эхо, она хочет того же, чего и мы все – чтобы все вернулось к норме. А пока думают, что ты мазохистка или пыталась совершить самоубийство, ты будешь числиться в изгоях. Может, ситуация с Ноем только к лучшему. Нет худа без добра.

Впервые с момента, как Лила рассказала мне эту новость, я подняла на нее глаза.

– У меня мать слетела с катушек.

– Мы тебя прикроем, – поспешно выпалила подруга. – Люк пообещал, что расскажет друзьям о тех сумасшедших случаях, которые он видел сам, когда вы встречались. Ну, знаешь, чтобы добавить правдоподобности твоей истории. А когда Грейс об этом услышала, то согласилась подтвердить всем, кого мы с ней и Натали видели в больнице – копов. А еще мы слышали, как мистер Эмерсон кричал на твою маму. Грейс очень этого хочет... как и все мы.

– Конечно, безумная мамаша и отсутствие воспоминаний о ночи, когда та пыталась меня убить, куда лучше, чем когда люди считают, что я мазохистка с суицидальными наклонностями.

– Люди будут тебе сочувствовать. Быть жертвой... это все меняет. Вот что пыталась сказать тебе Грейс все это время, – ласково ответила она.

Мое хрупкое терпение сменилось гневом.

– Мне не нужно их сочувствие, и я не хочу, чтобы худшая ночь моей жизни стала темой для обсуждения всей школы. Если я и расскажу когда-нибудь о случившемся, то только после выпуска. Я хочу рассказать правду, а не быть жалкой тупицей, которая ничего не помнит.

Я резко откинулась на сиденье и уставилась в потолок машины.

Сделай глубокий вдох, Эхо. Глубокий вдох.

Я абсолютно ничего не помнила о той ночи. Правду знали лишь мама, папа и Эшли. Но с мамой мне было запрещено общаться, а папа и Эшли верили тому, что говорили врачи: когда мой разум будет готов принять правду, я вспомню все сама.

Плевать. Это же не они мучились бессонницей, пытаюсь понять, что случилось. Не они просыпались от собственных криков. Не они задавались вопросом, не сходят ли с ума.

Не они чувствовали себя безнадежными.

– Эхо... – Подруга запнулась, сделала глубокий вдох и уставилась в лобовое стекло. Ой, сейчас последует что-то ужасное... Во время разговора Лиля всегда смотрела на собеседника. – Ты никогда не думала, что, возможно, в этой ситуации есть и твоя вина?

Я вздрогнула, изо всех сил стараясь не разозлиться снова.

– Что, прости?

– Знаю, тебе было тяжело прийти в себя после того, что случилось между тобой и мамой, но ты никогда не задумывалась: если бы в сентябре ты начала вести себя как всегда, в конце концов люди оставили бы тебя в покое? Я хочу сказать... ты вроде как сама стала отшельницей.

Гнев мой испарился, и я задохнулась от обиды. Вот кем считала меня лучшая подруга? Трусихой? Неудачницей?

– Да, я думала об этом. – Я помолчала, чтобы голос перестал дрожать. – Но чем чаще я куда-то выходила, тем больше обо мне болтали. Помнишь, как в прошлом году набирали танцовщиц в команду? Людям свойственно сплетничать о том, что они видят.

Она опустила голову.

– Помню.

– Тогда почему? Почему ты сейчас заговорила об этом?

– Потому что ты стараешься, Эхо. Ты наконец-то пришла на ланч. Общались с людьми. Впервые с десятого класса я увидела, что ты пытаешься... и мне страшно, что ты опять вернешься в свою раковину. – Девушка повернулась ко мне лицом. – И пусть Ной что-то увидел – только ты сама не отступай. Пошли со мной завтра на вечеринку Майкла Блэра.

Она совсем с ума сошла?

– Ни за что.

– Ну-у пошли, – заныла Лила. – Завтра же твой день рождения! Мы должны отпраздновать.

– Нет. – Я бы вообще предпочла забыть о существовании этого дня. Мама с Эйрисом всегда устраивали мне настоящий праздник. Без них...

Лила хлопнула в ладоши и подперла ими подбородок.

– Пожалуйста? Пожа-а-луйста? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста?
Согласись сделать по-моему, а если не сработает, то, клянусь, я никогда больше не подниму эту тему. Кстати, я говорила тебе, что подслушала, как Эшли говорила твоему отцу о том, что хочет, чтобы вы поужинали в ресторане? Пафосном. И меню из пяти блюд. Одно маленькое «да», и я избавлю тебя от этого.

«Ужин Проклятых» по пятницам и без того внушал мне ужас. «Ужин Проклятых» в публичном месте – это просто бесчеловечно. Я сделала еще один глубокий вдох. Лила пережила со мной все: мамино безумие, развод родителей, смерть Эйриса, а теперь и это. Пока она не знает, но вскоре подруга получит свой подарок на день рождения.

– Ладно.

Она взвизгнула и захлопала в ладоши. А затем описала свои планы на следующий вечер одним очень длинным предложением.

Возможно, Лила и Грейс были правы, и моя жизнь может вернуться к норме. Я могу прятать свои шрамы и ходить на вечеринки, не привлекая особого внимания.

Ной никому не рассказал и, вероятно, уже не станет этого делать.

Кроме того, до выпускного осталось всего четыре месяца, а после него я смогу носить перчатки каждый день до конца своих дней.

Глава 6

Ной

С моего последнего посещения этой тоскливой комнаты в офисе социального обеспечения прошло двадцать восемь тревожных дней. Клоуны и слоники, нарисованные на стенах, должны были вызывать радость и позитивные эмоции, но чем больше я на них смотрел, тем более зловещими они выглядели. Я сидел

на холодном раскладном стуле и держал в руках два упакованных подарка. Психовал ужасно. Мне не нужны были напоминания о том, как распалась наша семья. Когда-то младшие братишки были моей тенью и целовали землю, по которой я ходил. Теперь я сомневался, помнит ли Тайлер нашу фамилию.

Я напрягся, как тигр в клетке, готовый к прыжку. Лучше бы соцработникам привести братьев до того, как мои нервы не выдержат. По какой-то причине я вспомнил Эхо, как она качала ногой взад-вперед. Должно быть, она нервничала еще сильнее меня.

В голове раздался голос матери: «Ты всегда должен выглядеть презентабельно. Важно произвести хорошее впечатление».

Я побрился, чего обычно не делал каждый день. Мама с папой возненавидели бы мою теперешнюю прическу или малейший признак щетины на лице. Помня о предпочтениях матери, я всегда стригся достаточно коротко, но из чувства самосохранения отрастил челку, чтобы люди не видели моих глаз.

Дверь открылась, и я моментально вскочил на ноги. В комнату вбежал Джейкоб и врезался в меня. Он уже доставал мне почти до груди. Я бросил коробки на стол, присел на корточки и крепко обнял мальчика. Мое сердце дрогнуло. Господи, как же он вырос!

Мой социальный работник, грузная негритянка лет пятидесяти, замерла в дверном проеме.

– Помни, никаких личных вопросов об их приемных родителях. Я буду по другую сторону зеркальной стены.

Я сердито посмотрел на Киишу. Она ответила тем же и ушла. По крайней мере, ненависть была взаимной. После того как я врезал своему первому приемному отцу, система заклеила меня эмоционально нестабильным и запретила видеться с братьями. Однако с другими семьями не возникло никаких проблем, и я «делал успехи»: недавно мне вновь позволили видеться с ними, но лишь раз в месяц и под строгим присмотром.

– Я скучал по тебе, Ной, – пробормотал Джейкоб, уткнувшись мне в плечо.

Я отодвинулся и посмотрел на своего восьмилетнего брата. От папы ему достались светлая шевелюра, голубые глаза и нос.

– Я тоже скучал. Где Тайлер?

Джейкоб потупил взгляд.

– Сейчас придет. Мама... то есть... – он запнулся. – Кэрри разговаривает с ним в коридоре. Он немного нервничает. – Его полный беспокойства взгляд встретился с моим.

Я выдавил улыбку и взъерошил Джейкобу волосы.

– Не волнуйся, братишка. Он придет, когда будет готов. Хочешь открыть свой подарок?

Лицо мальчика озарилось улыбкой, напомнившей мне о матери, и он кивнул. Я вручил его братишке и стал наблюдать, как он открывает коробку с двадцатью новыми пачками карточек с Покемонами. Джейкоб сел на пол и потерял ко мне всякий интерес, рассматривая каждую пачку и время от времени сообщая мне что-то, заинтересовавшее его в понравившейся карточке.

Я глянул на часы, а затем на дверь. Времени у меня было мало, а какая-то стерва задерживала Тайлера. Хотя я и сказал Джейкобу, что все нормально, это не было правдой. Таю было всего два года, когда умерли наши родители. Мне нужна каждая отведенная нам минута, чтобы помочь ему вспомнить их. Черт, кого я обманываю? Мне нужна каждая минута, чтобы помочь ему вспомнить меня!

– Как дела с Кэрри и Джо? – Я пытался сохранять равнодушный вид, но, задавая этот вопрос, я нервничал. Испытав на собственной шкуре, каково жить с дерьмовыми приемными родителями, я готов был убить любого, кто попытается обходиться с моими братьями так же, как те люди обошлись со мной.

Джейкоб сложил карты по разным стопочкам.

– Хорошо. На Рождество они сказали, что мы можем называть их мамой и папой, если хотим.

Сволочи! Я сжал кулаки и до крови закусил щеку.

Джейкоб впервые отвернулся от своих карточек.

– Ной, ты куда?

– За Тайлером.

У меня оставалось всего сорок пять минут. Если они хотят играть по-плохому, то будет так.

В ту же секунду, как я вышел в коридор, Кииша выглянула из комнаты наблюдения и громко закрыла за собой дверь.

– Вернись обратно и продолжай общаться с братом. Не ты ли жаловался, что недостаточно с ними видишься?

Я ткнул в нее пальцем.

– Мне полагается как минимум два часа в месяц общения с братьями. Как минимум, а не всего! Если Тайлера не приведут через тридцать секунд, я позвоню адвокату и скажу, что вы намеренно мешаете мне встречаться с братьями.

Кииша секунду смотрела на меня, а затем рассмеялась.

– А ты умный парень, Ной. Изучаешь систему и оборачиваешь ее себе на пользу. Вернись обратно. Он уже идет. – Я повернулся к двери, когда Кииша добавила: – Кстати, еще раз ткнешь в меня пальцем, я сломаю его и вручу тебе.

Когда я вошел в комнату, братец вновь одарил меня маминой улыбкой. Я попытался успокоиться. С Джейкобом все было легко. Он помнил. Тайлер... Тайлер совсем другое дело.

Кэрри, вся из себя идеальная дамочка с темными волосами, зашла в комнату с Тайлером, повисшим на ней, как новорожденные мартышки висят на своих мамах. Я протянул руки.

– Дайте его мне.

Я смотрел на нее сверху вниз. Это было нетрудно, учитывая, что женщина едва доставала мне до плеча. Вместо того чтобы передать мне ребенка, она обвила его второй рукой.

– Он напуган.

Поправочка. Она напугана.

– Я его брат, а вы не имеете к нему никакого отношения. Все с ним будет хорошо. – Когда женщина не двинулась с места, я продолжил – У меня есть право на эту встречу.

Кэрри облизала губы.

– Тайлер, малыш, пора увидеться с Ноем и поиграть с Джейкобом. Кажется, брат принес тебе подарок.

В этот момент Тайлер поднял голову и посмотрел на меня. Когда я увидел лицо младшего брата, у меня чуть не подогнулись колени. Но дело было не в том, что он похож на меня и маму, а в том, что вся правая сторона его лица была в синяках. Мое сердце забилось быстрее, когда я разглядел кусочек выбритых каштановых волос и по меньшей мере пять швов на его коже.

Я резко повернул голову к зеркальной стенке, ясно давая понять, что если Кииша не притащит сюда свою социальную задницу, то я убью эту женщину.

Глубокий вдох, выдох. Тайлеру всего четыре, и мой гнев может испугать его. Я забрал брата у женщины. Кэрри протянула ко мне руки, будто я украл ее щенка.

– Это была случайность, – прошептала она.

– Эй, братишка, хочешь открыть свой подарок? – спросил я Тайлера.

Малыш кивнул. Я посадил его рядом с Джейкобом и вручил упакованную коробочку. В комнату вошла Кииша, а Кэрри поспешила ретироваться. Женщина подняла руки в успокаивающем жесте:

– Это была случайность. Мне следовало рассказать тебе до того, как Тайлера привели, но у меня просто вылетело это из головы.

Прищурившись, я покосился.

– Обсудим это позже.

Я вернулся к мальчикам, молясь, чтобы Тай сказал мне хотя бы одно слово до того, как закончится встреча.

* * *

Я опять сидел на раскладном стуле, однако сейчас уже не нервничал. Я был чертовски зол.

Кииша устроилась напротив меня.

– Кэрри и Джо купили Тайлеру велосипед на Рождество и пару дней назад разрешили ему покататься без шлема. Когда он упал, они немедленно отвезли мальчика в больницу и оповестили меня о произошедшем. Оба чувствуют себя ужасно.

– Понятное дело! – рявкнул я. – Откуда вам знать, что они не били его?

Кииша подняла ленточку с подарка Тайлера.

– Они хорошие люди. Я не верю, что они могли намеренно навредить твоим братьям.

Ага. Просто святые.

– Если бы они были такими расчудесными, то перестали бы отгораживаться от меня и позволили видиться с братьями.

– Ной, они взяли мальчиков после инцидента с твоей первой приемной семьей. Они слышали о твоей эмоциональной нестабильности. Это также показывает, как сильно эта пара заботится о Джейкобе и Тайлере. Они не хотят, чтобы мальчикам причинили боль.

Я сжал кулаки и опустил руки под стол, чтобы не врезать по стене так, как мне того хотелось. Киише только этого и нужно, чтобы доказать мою нестабильность.

– Я бы никогда не причинил им вреда.

– Знаю, – призналась она. – Как ты думаешь, почему еще я предложила миссис Коллинз обратить на тебя внимание?

Мне стоило догадаться.

– Так она – ваших рук дело.

Кииша наклонилась вперед и положила ладони на стол.

– Ты хороший парень, Ной. У тебя огромный потенциал, но ты должен изменить свое поведение.

Я покачал головой.

– Мне казалось, что я уже доказал свою адекватность. Черт, вы же отправили меня в дом к другому подростку!

– Я уже говорила: это постепенный процесс. Просто приходи на встречи, води себя хорошо и работай с миссис Коллинз. Уверена, что к моменту твоего выпуска мы сможем обсудить ваши встречи без надзора.

Без надзора? Я поджал губы. Полная хрень.

– К тому моменту мне уже будет восемнадцать, и я сам смогу взять их под опеку.

Лицо Кииши дрогнуло будто в улыбке, но женщина быстро посерьезнела снова.

– Думаешь, ты сможешь растить своих братьев, пока будешь работать в низкосортном ресторанчике? Думаешь, судья выберет тебя вместо Кэрри и Джо?

Понимание, что судья может сделать иной выбор, вызвало пугающую тошноту. Джейкоб сказал, они хотели, чтобы он звал их мамой и папой...

– Кэрри и Джо подают на усыновление, не так ли?

Она отвернулась, что и послужило ответом. Черта с два моих братьев будет растить кто-то, кроме меня!

– Ваша правда, Кииша. Я многому научился за последние два с половиной года. Я знаю, что этот штат принимает во внимание кровную связь и что вопрос о моей нестабильности не поднимется, раз я был помещен в семью с другим приемным ребенком. Может, сейчас я и не в состоянии позаботиться о своих братьях, но через четыре месяца это изменится.

Я встал из-за стола, собираясь уходить. Кииша направила на меня свой гневный взгляд.

– Не дай случайности испортить этим мальчикам жизнь.

Я развернулся и закатал рукава, указывая на кругловатый шрам на своем бицепсе.

– Джеральд назвал это случайностью. То, что произошло с Доном, тоже назвали случайностью. А какого рода случайность произошла с Фейт и Чарльзом Миками? У меня есть более подходящие слова, но вы запрещаете так выражаться. Мои братья никогда не станут случайностью этой системы.

С этими словами я вышел из комнаты, хлопнув за собой дверь.

Глава 7

Эхо

Обычно мне быстро надоедало наблюдать за пивопонгом, но не когда Лила надирала всем задницы. Подруга сегодня была в ударе. Тем более что каждый раз, когда противоположная команда попадала в ее стаканчик, она просила какого-нибудь парня его выпить. Те выстроились в очередь, чтобы исполнять ее приказания.

– Ты будешь играть? – спросил Люк.

Я так погрузилась в свои мысли, что не заметила, как он подошел.

– Не-а. Это развлечение для Лилы.

Еще я не хотела обращать на себя внимание.

– Сегодня ты должна развлекаться. Это же твой праздник. – Парень замолчал. – С днем рождения, Эхо.

– Спасибо.

– Ну, ты так и будешь смотреть на нее весь вечер? – Люк оценивающе следил за игрой, засунув большие пальцы в карманы. Не знай я его лучше, решила бы, что парень что-то задумал.

– Кодекс друзей. Я слежу за Лилой, а она за мной. Где-то здесь еще должны быть Грейс и Натали. – Я осмотрела кухню, отчасти надеясь на их неожиданное появление.

– Умно, но это раздражает. – Он уперся рукой в стену рядом с моей головой, но держался на безопасном расстоянии. Когда Люк делал это раньше, то прижимался ко мне всем телом, вызывая порхание бабочек в животе. А потом он наклонялся и целовал меня. Но эти дни остались далеко в прошлом: прижимания, порхание бабочек и особенно поцелуи.

– Я хотел пригласить тебя на танец.

Я сделала вид, что оглядываюсь по сторонам.

– И кого ты хочешь заставить приревновать?

Парень убрал руку и рассмеялся. Не тем наигранным смехом, как на этой неделе в столовой, а искренним.

– Найди меня, когда Лиле станет скучно.

В этот момент та вскинула руки в воздух и закричала, разбив в пух и прах очередных соперников. К этому времени я уже убедилась, что парни поддаются, просто чтобы она продолжала играть. Люк тем временем исчез.

Девушка взяла один из уцелевших стаканчиков с пивом и отошла от стола к разочарованию парней, которые следили за каждым ее движением. Наполовину его опустошив, она вручила оставшееся мне.

– Держи. Сегодня ведь Нат за рулем?

– Ага. – Я взяла стаканчик и залпом допила пиво. Вкус мне не особо нравился, но, как говорится, в чужой монастырь...

Я наслаждалась теплым чувством головокружения от алкоголя. В этот момент углы моей жизни не казались такими уж острыми. Вторая неделя семестра: первая личная терапия с миссис Коллинз, отсутствие работы и страх того, что Ной Хатчинс передумает и расскажет всем о моих шрамах. Мы оба вернулись к взаимному игнорированию.

– Миссис Коллинз спрашивала, не пью ли я. Мне надоело ей врать.

Майкл Блэр, хозяин вечеринки, прошел мимо нас с подносом пива для очередного раунда. Лила незаметно стащила два стаканчика и передала один мне.

– Взрослые сами хотят, чтобы мы ввали. Они этого ждут. Живут в своем маленьком идеальном мире и делают вид, будто мы только тем и занимаемся, что едим печенье и смотрим телевизионные шоу.

Я сделала глоток пива.

– Но мы и вправду едим печенье и смотрим телевизионные шоу.

Лила поперхнулась и искоса на меня посмотрела.

– Именно. Мы делаем это, чтобы сбить их с толку.

То пресловутое теплое чувство головокружения, помогавшее сгладить углы, также замедлило мой мыслительный процесс. Я дважды обдумала ее слова.

– Бессмыслица какая-то.

Подруга помахала рукой, будто собиралась все объяснить. Ее ладонь продолжала двигаться, но рот оставался закрытым. В итоге она опустила руку и одним глотком допила содержимое стаканчика.

– Без понятия. Давай танцевать, именинница.

Мы выкинули пустые стаканчики в мусорную корзину и начали пробираться сквозь толпу к источнику ритмичной музыки. Музыка... танцы...

Люк попросил найти его, когда мы освободимся. Я открыла рот, чтобы рассказать об этом Лиле, но та неожиданно остановилась.

– Мне нужно пописать. – Подруга резко свернула влево и скрылась за дверью туалета.

Я прислонилась к ней и прислушалась на случай, если Лиле тошнит. Нет, она определенно писала.

Вдруг мою левую руку пронзила боль – кто-то врезался в меня и продолжил идти дальше. Я оглянулась.

– Осторожнее!

Навстречу мне шагнула девушка с длинными угольного цвета волосами и пирсингом в носу, с ног до головы одетая в черное. Она встала так близко, что я могла пересчитать ресницы на ее налитых кровью глазах.

– Свали с дороги, и проблема исчезнет.

Ладно. Я слабачка. Никогда раньше не ввязывалась в рукопашную драку. Делала все, чтобы случайно не вызвать чьего-нибудь недовольства. Могла ночь промучиться от того, что случайно кого-то обидела. Поэтому, когда эта байкерша широко развела руки, ожидая от меня дерзкого ответа или удара в лицо, меня начало подташнивать.

– Отвали, Бет, – раздался низкий хриловатый голос позади меня.

Вот черт! Я знала, чей это голос.

Байкерша посмотрела мне за плечо.

– Она накричала на меня!

– Ты первая ее толкнула.

Рядом со мной стоял Ной Хатчинс. Его бицепсы касались моего плеча.

Уголки губ девушки поползли вверх.

– А ты не говорил, что спишь с Эхо Эмерсон.

– О боги, – простонала я. Она знала меня и считала, что я занимаюсь с Ноем «этим». Комната накренилась, и приятное чувство головокружения испарилось.

С Днем рождения меня.

– Она – мой репетитор.

Я прислонилась к стене и отчаянно пожелала провалиться сквозь землю.

– Да все равно. Увидимся снаружи, когда закончишь учиться. – Байкерша пошевелила бровями и ретировалась.

Ну просто блеск. Еще один слух на мою голову. Нужно убраться подальше от этого парня. Ной Хатчинс приносил одни только беды. Сперва он поднял меня на смех. Потом увидел мои шрамы и лишил надежды на починку машины Эйриса. И теперь вбил людям в голову, что мы занимаемся «этим».

Я подергала за ручку двери в туалет, надеясь присоединиться к Лиле, но та не поддавалась. Запираться от друзей было прямым нарушением Кодекса друзей! Да пошло оно все! Я оттолкнулась от двери и направилась к заднему выходу. Кислород. Мне нужно много кислорода.

Я вышла на веранду и сделала глубокий вдох. Холодный воздух обжигал легкие и пощипывал открытые участки кожи на шее и лице. Я слышала смех и голоса в темноте за газоном. Наверное, наркоманы курили свою мерзость.

– У тебя какие-то проблемы с куртками?

Да ла-а-адно, черт бы его побрал! Почему я не могу просто от него избавиться?

Я развернулась и чуть не врезалась в Ноя. Пиво и обнаружение себя в пространстве сочетались плохо.

– Ты решил испортить мне жизнь? – Заткнись, Эхо. – То есть тебе больше нечего делать, кроме как мучить меня? – Достаточно. Теперь уже точно остановись. – Ты пришел на вечеринку, чтобы рассказать всем о моих шрамах?

Вот почему подростки не должны напиваться – меня можно было приводить в пример.

Я смотрела в его глаза и ждала ответа. Никто из нас не двигался. Господи, Натали и Лиля были правы. Он сексуален. Как я могла не заметить такое телосложение? Его расстегнутая куртка открывала вид на обтягивающую футболку и очертания мышц. А эти темно-карие глаза...

Ной приподнял голову и холодно ответил:

– Нет.

По веранде пронесся порыв ледяного ветра, и я задрожала. Ной снял свою черную кожанку и накинул мне на плечи.

– И как же ты будешь учить меня, если заболеешь гребаной пневмонией?

Я выгнула бровь. Какая странная комбинация романтического жеста и ужасно грубых слов. Я вцепилась в его куртку, поборов желание закрыть глаза, когда меня окружил сладковатый мускусный аромат. В моем медленно работающем разуме начала крутиться шестеренка.

– Ты уже дважды упомянул учебу.

Ной засунул руки в карманы. Челка упала ему на глаза, закрыв мой новый любимый цвет.

– Приятно знать, что твой мозг продолжает работать, когда сама ты в гребаные дрова.

– Ты часто используешь это слово. – Я покачулась. Может, мне не нужен воздух. Скорее, стенка. Я споткнулась и прислонилась спиной к холодному кирпичу. Маленькая мятежная часть моего разума скандировала «Кодекс друзей» снова и снова. Да-да, я вернусь к нему... через пару минут.

Ной придвинулся и остановился меньше чем в двух сантиметрах от меня. Так близко, что тепло его тела окутало мое.

– Какое слово?

– На «г». – Вау. Он стоял ближе, чем до этого Люк. Так близко, что, если бы захотел, мог поцеловать меня.

Его темные глаза всматривались в мои, а затем он опустил взгляд, чтобы одарить вниманием остальные части моего тела. Я должна была остановить его, сказать что-нибудь едкое или, по крайней мере, почувствовать себя униженной, но ничего подобного не случилось. Пока его губы не изогнулись в улыбке.

– Ну что, заслуживаю твоего одобрения? – Мой голос сочился сарказмом.

Парень рассмеялся.

– О да.

Мне нравился его глубокий смех. От него у меня все зашекотало внутри.

– Ты под кайфом.

Потому что никто в здравом уме не посчитал бы меня привлекательной. Особенно после того, как этот человек видел мои печально известные шрамы.

– Пока нет, но буду. Хочешь присоединиться?

Мне не нужна трезвая голова, чтобы ответить на этот вопрос.

– Нет. Мне нравятся клетки моего мозга. Они могут пригодиться на случай, если... ой, даже не знаю... захочется подумать.

Его кривоватая усмешка вызвала у меня улыбку. Не вынужденную – настоящую.

– Смешно. – Одним молниеносным движением он уперся руками в кирпичную стену, заперев меня в оковах своего тела. Парень наклонился, и мое сердце забилось с такой скоростью, о существовании которой я и не знала. Его теплое дыхание ласкало мне шею, отогревая замерзшую кожу. Я откинула голову, ожидая, что он прижмется ко мне своим жарким телом. Темные зрачки его глаз кричали о голоде.

– До меня дошел один слух...

– Какой? – Я попыталась выбратья.

– Сегодня твой день рождения.

Испугавшись, что разговор разрушит чары, я облизала внезапно пересохшие губы и кивнула.

– С днем рождения.

Ной приблизил свои губы к моим, и этот сладкий мускусный запах вновь пробудил во мне неизвестные чувства. Я почти ощутила вкус его уст, но тут парень неожиданно отступил и глубоко вдохнул. Холодный воздух вернул меня в страну трезвых.

Парень провел ладонью по лицу и направился к деревьям.

– До скорой встречи, Эхо Эмерсон.

– Подожди! – Я начала снимать куртку. – Ты забыл это.

– Оставь себе, – бросил он, даже не оглянувшись. – Я заберу ее в понедельник. Когда мы встретимся для обсуждения занятий.

И Ной Хатчинс – парень с плохой репутацией и мой спаситель, укрывший меня своей курткой, – исчез в темноте.

Глава 8

Ной

– Не понимаю, зачем ты отдал ей свою куртку. – Волосы Бет свисали с матраса. Она сделала глоток и передала бутылку Исайе.

– Потому что она замерзла. – Я так сильно прижался к спинке дивана, что, если расслаблюсь, он может раскрыться и проглотить меня. Я ухмыльнулся. Отменное пойло.

После встречи с Эхо я купил пару емкостей, забрал Бет и Исайю из леса позади дома Майкла Блэра и отвез их назад к Ширли и Дэйлу. Останься мы там, вряд ли кто-то из них оказался бы настолько трезвым, чтобы подбросить меня домой. Да и сам я собирался нажраться до потери пульса.

Если верить досье моего социального работника, нам с Исайей – еще одним приемышем, – было выделено по комнате наверху. На самом деле эта ледяная дыра, больше похожая на цементный блок, чем на обустроенный подвал, была местом, где жили мы втроем. По очереди спали на старом огромном матрасе и на диване, который мы нашли в «Гудвиле», магазине поддержанных товаров. Мы отдали Бет кровать наверху, но когда ее тетя Ширли и дядя Дэйл ругались, – что происходило постоянно, – она делила матрас с Исайей, а я спал на диване.

Не считая братьев, Исайя и Бет были единственными, кого я мог назвать своей семьей. Мы познакомились, когда Кииша поселила меня к Ширли и Дэйлу после окончания девятого класса. Исайя попал к ним на год раньше. Это место больше походило на пансион, чем на семейный дом.

Ширли и Дэйл стали приемными родителями ради пособий. И оба предпочитали делать вид, что нас не существует. Это было взаимно. Тетя и дядя Бет были в общем-то нормальными, если не считать проблем с управлением гневом. По крайней мере, всю свою злость они выплескивали друг на друга. Однако мать Бет и ее сожитель любили выпускать пар на ней, потому что девушка предпочитала жить с нами. Кииша понятия не имела об этой договоренности.

Бет повернулась, чтобы посмотреть мне прямо в глаза.

– Серьезно, ты с ней спишь?

– Нет.

Но, оказавшись так близко к Эхо, я не мог перестать думать о ее теплом теле. Хотелось бы обвинить в этом алкоголь, но нет. Стоя рядом с ней на веранде, я

был так же адекватен, как в день теста на наркотики, назначенного судом. Ее шелковистые рыжие волосы блестели в лунном свете, зеленые глаза вглядывались в мои, будто искали ответа, и, черт возьми, от нее пахло корицей и жженым сахаром. Я потер затылок и вздохнул. Что со мной не так?

С того дня в библиотеке я не мог выбросить Эхо Эмерсон из головы. Даже когда навещал братьев, то думал о ней, о том, как она покачивала ногой.

Мысли об этой девушке преследовали меня по нескольким причинам. Во-первых, как бы я ни пытался это отрицать, я нуждался в дополнительных занятиях. Если хочу вернуть братьев, то должен вовремя окончить школу и найти работу получше, чем приготовление бургеров. Я пропустил достаточно занятий, чтобы отстать, а кое-кто посещал их ежедневно и мог бы помочь мне наверстать упущенное.

– Держи. Тут мало осталось, но на глоток хватит. – Исайя сидел на полу между кроватью и диваном, передавая мне емкость, жидкости в которой оставалось совсем на донышке.

Я прикончил бутылку, покатав крепкое спиртное на языке. Вот теперь дело дошло до вопросов, которые сбивали меня с толку.

– Расскажи мне о ней.

– О ком? – Бет уставилась в пол.

– Эхо.

Что за слабоумные назовут своего ребенка Эхо? Я знал ее, но в то же время нет. Обычно я подкатывал к девушкам, которые проявляли ко мне легкий интерес.

Исайя закрыл глаза и откинул голову на спинку дивана. Парень предпочитал очень короткую стрижку, почти под ноль. Его уши были неоднократно проколоты, а руки пестрили татуировками.

– Она тебе не по зубам.

Бет хихикнула.

– Потому что она отшила тебя в средней школе. Исайе захотелось найти себе подружку, и он пригласил на свидание девятиклассницу. Но бедняга не знал, что наша мисс Совершенство уже год как встречалась с королем Люком.

Губы Исайи расплылись в улыбке.

– Я даже помню, как Люк менялся партнерами по лабораторным работам за твоей спиной, чтобы сесть с ней.

Бет прищурилась.

– Придурок.

– Заканчивайте. Я просил рассказать об Эхо, а не о случаях из вашей жалкой жизни.

Эти двое напоминали мне старую супружескую пару, которая наслаждается тем, что постоянно переругивается друг с другом. Исайя и Бет были на год младше меня, но разница в возрасте никого не беспокоила.

Бет шлепнулась на матрас. Она обожала копаться в чужом белье.

– Итак, девятый класс, Эхо – звезда школы, да? Она чирлидерша, ходит на занятия для умников, отличница, арт-гуру, мисс Популярность, а между занятиями ее лапает Люк Мэннинг. За месяц до окончания года она исчезает. – Глаза Бет округлились, и она начала шевелить пальчиками, словно фокусник.

Я и не думал, что история приобретет такой неожиданный поворот. Исайя следил за моей реакцией и кивнул головой.

– Пуф.

– Пропала, – добавила Бет.

– Испарилась, – подтвердил Исайя.

– Потерялась.

– Скрылась.

– Пропала, – повторила Бет. Ее глаза потускнели, и она уставилась на свои пальцы на ногах.

– Бет. – Мое терпение было на исходе.

Она моргнула.

– Что?

– Рассказ. – Я пощелкал перед ее лицом пальцами. – Эхо. Продолжай.

– Ах да, итак, она исчезла.

– Пуф, – добавил Исайя.

Только не начинайте все по новой.

– Я понял, продолжай.

– В десятом классе она возвращается совсем другим человеком – как в «Похитителе тел». Но ведь это все еще Эхо, верно? У нее те же вьющиеся рыжие кудри и сексуальное тело.

Исайя рассмеялся.

– Ты только что назвала ее тело сексуальным.

Бет кинула в него подушкой.

– Но теперь она не мисс Популярность. И больше не с Люком. Он стал встречаться с какой-то новой девушкой. Хотя ходили слухи, что Эхо бросила его до своего исчезновения. Она уходит из команды болельщиц, перестает участвовать в конкурсах талантов и почти ни с кем не общается. Впрочем, когда о тебе ходит столько слухов, хочется не то что общаться, а забиться куда подальше.

– Сплетни были жестокие, чувак, – кивнул Исая.

Мы с ним и Бет хорошо знали, к чему это может привести. Не зря приемные дети из неблагополучных семей особо не высывались.

– И что же говорили? – У меня возникло дурное предчувствие насчет того, куда может завести этот разговор, и мне это не нравилось.

Бет обхватила руками колени.

– В первый день десятого класса она пришла в рубашке с длинными рукавами, и на следующий день, и так далее. На улице было +33. Сам-то как думаешь, что начали болтать?

– Ее так называемые друзья заняли круговую оборону, – Исая нарисовал в воздухе круг, – и на всякий случай стали держаться от нее подальше.

– И тогда Эхо начала ходить на встречи со школьным психологом. – Бет замолчала. – Ей можно только посочувствовать.

Слушая рассказ Бет, я прикрыл глаза, но последний факт меня настолько удивил, что они открылись сами собой.

– Что? – безжалостно спросила Бет.

Потом она заползла на кровать и уткнулась лицом в подушку.

– С ней определенно случилось что-то хреновое. К тому же ее брат умер за пару месяцев до ее исчезновения. А они были очень близки. Он был старше нее всего на три года и всегда брал Эхо на вечеринки или погулять, когда оставался в

городе. Я даже ненавидела ее за то, что у нее есть любящий старший брат. – Теперь глаза Бет закрылись полностью.

– Подвинься.

Бет перекатилась к стене. Подняв с пола одеяло, Исайя укрыл ее, и наша рассказчица отрубилась. А парень уселся ко мне на диван.

– Большинство считает, что Эхо любит резать себя. Другие верят в то, что она пыталась совершить самоубийство. – Друг покачал головой. – Все это такая фигня, чувак.

Меня так и подмывало согласиться и рассказать о том, что случилось в библиотеке, но я промолчал.

– Что случилось с ее братом?

– Эйрис? Он был классным. Хорошо ко всем относился. После школы записался в морскую пехоту и его сослали в ад, то есть в Афганистан.

Эйрис и Эхо Эмерсоны. Должно быть, мать их ненавидела, раз дала такие имена. Теперь мне необходимо наладить отношения с этой девчонкой. Она – мой обратный билет к братьям.

Глава 9

Эхо

Я накинула черную кожанку Ноя на руку и направилась к своему шкафчику. Меня переполняло желание надеть ее. Мне нравилось, как она пахла, какое тепло мне дарила, и какие воспоминания вызывала о нашей встрече дома у Майкла Блэра.

Возьми себя в руки, Эхо. Ты же не идиотка!

Я знала, какие слухи ходили о Ное. Он посещал вечеринки, только чтобы надраться и найти себе какую-нибудь подвыпившую девицу на одну ночь. Всех, кто с ним свяжется, ждет такое же будущее. Меня не интересовали подобные отношения, хотя и льстило, что он подумывал об этом. В конце концов, после девятого класса ни один парень из этой школы не проявлял ко мне симпатию.

– Что с тобой? Ты похожа на ребенка, у которого улетел воздушный шарик, – подскочила ко мне Лила, и мы пошли по коридору.

– Мне суждено умереть девственницей.

Собственное признание привело меня в состояние шока. Неужели эти слова сорвались с моих губ? Я потеряла гладкий материал куртки Ноя. Может, мне следовало пойти с ним. Не чтобы упиться в усмерть, а... ну... чтобы не умереть девственницей.

Лила захохотала так громко, что на нас начали оглядываться. Я опустила голову, пряча лицо за волосами, и взмолилась, чтобы все отвернулись. Мы дошли до шкафчиков, и я открыла свой, желая спрятаться внутри него.

– Вот уж не думаю. Хотя, мне казалось, что тебя не интересует просто секс.

– Так и есть. Я тянула с Люком, потому что не была готова. Но я и представить себе не могла, что настанет день, когда никто не будет меня хотеть. – Я посмотрела на свои руки в перчатках, и меня затошнило. Когда прозвенит звонок, придется их снять. Дело было не в сексе. – Ни один парень не захочет познакомиться со мной достаточно близко, чтобы полюбить!

Лила закрыла шкафчик и закусила губу.

– Отстойная у тебя мама.

Я сделала глубокий вдох, стараясь не расклеиться окончательно.

– Да, знаю.

Взгляд подруги остановился на куртке, которую я все еще сжимала в руках.

– Что это?

– Куртка Ноя Хатчинса, – вмешалась Натали, которая возникла рядом с нами словно из воздуха и ловко выхватила ее у меня из рук. Ее каштановые волосы взметнулись в воздухе. – Идите за мной! Сейчас же!

Глаза Лилы стали круглыми, как блюдца, когда подруга впихнула нас в женский туалет.

– И что у тебя делает куртка Ноя Хатчинса?

Я открыла было рот, но в этот момент Грейс хлопнула дверью.

– У нас нет времени на обсуждение этого. Он идет.

Натали открыла дверь каждой кабинки, чтобы убедиться, что мы одни. В туалете пахло дезинфицирующими средствами, из крана капало.

– Хватит, – оборвала нас Грейс. – Я уже проверяла.

Лила схватила ее за руку.

– Стоп-стоп-стоп, помедленнее. Мне нужны ответы. Кто идет? Почему у Эхо куртка Ноя? И где ты купила этот свитер?

– Люк. За Эхо. Ты так напилась на вечеринке, что забыла о Кодексе друзей, и в результате у Эхо оказалась куртка Ноя. Нельзя, чтобы Эхо видели с ней. – Грейс вырвала куртку из рук Натали. – Мы вернем Эхо ее прошлую жизнь.

Я вытащила куртку из хватки Грейс. Мои друзья официально съехали с катушек.

– Это куртка, а не пакетик с белым порошком. Ной ходит со мной на первый урок. Я собиралась ее отдать. И какая разница, ищет ли меня Люк?

Грейс ткнула в меня своим красным ноготком.

– Ты не подошла к нему на вечеринке. Люк пригласил тебя потанцевать, а вместо этого нам пришлось везти Лилу домой. Теперь он ищет тебя, чтобы узнать, почему ты его бросила. Это ответ на все наши мольбы.

Я крепче сжала куртку.

– Что? То есть? Мы с Люком друзья.

Кажется. Он поздравил меня с днем рождения. Друзья так делают.

Лила начала раздражающе пританцовывать.

– И? Танцы с тобой на вечеринке – это уже не дружеский жест. Это значит, что он снова положил на тебя глаз.

– Именно, – кивнула Грейс. – Если ты нравишься Люку, то и всем остальным понравишься.

Лила помахала руками в воздухе.

– Что еще важнее, ты не умрешь девственницей! – Девушка театрально вздохнула. – Люк не должен видеть тебя с курткой другого парня. Грейс, положи ее себе в шкафчик. Позже придумаем, что с ней делать.

Брови Грейс взметнулись вверх.

– Ни за что! А вдруг этот парень прятал в ней травку. Что, если в школу приведут служебных собак, которые ее унюхают?

– Господи, от тебя никакого толка, – вздохнула Лила.

Грейс откинула мои локоны назад и расправила на мне рубашку.

– Давай, выходи, пока он не ушел в класс.

Лила и Натали вытолкнули меня за дверь, и я крепче прижала к себе куртку Ноя.

– Мне кажется, вы слишком на этом зациклились, – сказала я, пока Лила быстро вводила комбинацию от моего шкафчика.

– Он идет, – пропела Натали.

У меня снова вырвали куртку, швырнули ее в шкафчик, отпихнув меня в сторону, чтобы не мешалась, и захлопнули дверцу. После чего Лила и Натали непринужденно прислонились к ней, формируя дополнительную защиту.

– Привет, Эхо.

Я повернулась и встретилась лицом к лицу с Люком.

– Привет.

За последние три минуты произошло столько всего, что в моей голове царил полный хаос.

Взгляд парня скользнул по девочкам, и Люк чуть нахмурился. Я помнила этот взгляд: он хотел что-то сказать, но без лишних зрителей. Но он должен был помнить, что я любила держаться своей «стаи».

– Я ждал тебя.

– Это моя вина! – выпалила Лила. – У нее не было времени, чтобы тебя найти, потому что мне срочно понадобилось домой. Слишком много выпила.

Мы с Люком уставились на нее, а затем друг на друга. Воцарилось неловкое молчание. Я даже слышала, как тикают секунды: одна, две, три...

– Эхо, я могу проводить тебя на урок? – спросил он наконец.

– Конечно. – Я оглянулась на Лилу и Натали и направилась с Люком дальше по коридору. Обе быстро подняли вверх большие пальцы. Я сделала глубокий вдох и заметила, что Люк мне ухмыляется. Ух ты! Все как обычно. Неужели это действительно возможно?

Да, если под «обычным» подразумевалось прятать куртку Ноя Хатчинса в своем шкафчике... и притворяться, будто я не думала о том, как близок он был к тому, чтобы поцеловать меня.

Глава 10

Ной

– Подержи. – Миссис Коллинз всучила мне горячую чашку и вернулась к борьбе с закрытыми школьными дверями. Утро еще не одолело ночь, поэтому ей с трудом удалось найти нужный ключ на массивной связке. Я уже было решил прокомментировать ее организаторские способности, но передумал. Нужно иметь стальные яйца, чтобы оставаться наедине с таким панком, как я.

Тепло от кофейной чашки напомнило мне о том, как же холодно было на улице. По голым рукам побежали мурашки. У меня была лишь одна рубашка с длинными рукавами, которую я надевал исключительно на встречи с братьями. Жить без куртки отстойно.

Взгляд женщины остановился на татуировке на моем бицепсе, и вечная улыбка миссис Коллинз уменьшилась на сантиметр.

– Ной, где твоя куртка? На улице холодно.

– Я одолжил ее кое-кому.

Третий ключ все же подошел к замку, и с ее губ сорвался вздох облегчения. Миссис Коллинз махнула рукой, чтобы я заходил внутрь. Вместо этого я придержал дверь и кивнул, чтобы она вошла первой. С моей удачей меня заметит охрана, расстреляет и только потом начнет задавать вопросы.

Наши шаги эхом отдавались в пустом коридоре. Благодаря новой школьной политике в области охраны окружающей среды свет включался лишь при нашем приближении. Это выводило меня из себя. Мало того, что система опеки следила

за каждым моим шагом, так теперь и это здание держало меня под строгим контролем!

– Кому ты отдал свою куртку? – Миссис Коллинз вошла в главный офис и с первого раза открыла свой кабинет.

– Девушке.

Девушке, которая игнорировала меня на протяжении всего понедельника, хотя и должна была отдать вышеупомянутую куртку.

– Своей девушке или подруге-девушке?

– Ни то ни другое.

Миссис Коллинз одарила меня сочувствующим взглядом, а затем начала копаться в сумочке.

– Тебе нужна куртка?

Ненавижу этот сочувствующий взгляд. После смерти родителей именно так на меня смотрели все знакомые. Глаза слегка расширены. Уголки губ приподняты, но сами губы сжаты. Взрослые пытались вести себя как всегда, хотя сразу было видно, насколько им не по себе.

– Нет. Сегодня мне ее вернут.

– Хорошо. – Психолог потянулась к моей папке. – Как твои занятия с Эхо?

– Мы начнем сегодня. – Только Эхо пока об этом не знает.

– Великолепно. – Миссис Коллинз открыла было рот, чтобы задать очередной глупый вопрос, но у меня были свои.

– Что вы знаете о моих братьях?

Женщина взяла ручку и постучала ею по столу, посматривая на свои часы.

– Мы с Киишей обсудили твой визит на выходных. То, что случилось с Тайлером, было случайностью.

Какого черта?

– Вы – школьный психолог. Почему вы общаетесь с моим социальным работником? Да еще и о Тайлере?

– Я уже говорила. Я – клинический психолог и подопытная свинка в новой программе. В мои обязанности входит заботиться обо всех аспектах твоей жизни. Это значит, что у меня есть доступ к твоим братьям. Я буду общаться с их приемными родителями и иногда даже с Джейком и Тайлером. Что касается моей работы здесь, в Иствике, миссис Бранч занимается обычными консультационными проблемами, а я... – она склонила голову набок, – более перспективными учениками. Школа вбивает в ваши головы знания, но игнорирует эмоции. Я здесь для того, чтобы проверить, что будет, если мы уделим внимание обоим аспектам.

Счастье-то какое! Мне и Кииши, этой занозы в заднице, было достаточно. А теперь в мои дела лезла и Солнышко Салли[11 - Ведущая утренней детской развлекательно-познавательной телевизионной передачи 1976–1980 гг., блондинка средних лет.] собственной персоной. Я потер руками лицо и заерзал на стуле.

Миссис Коллинз продолжила:

– Кииша также упомянула, что после выпуска ты грозишься подать петицию об опеке над братьями. Ной, если это правда, тебе придется очень сильно изменить свою жизнь. Ты готов к этому?

– Что, простите? – Мне показалось, или эта дамочка только что бросила мне вызов, чтобы я перестал заниматься фигней и смог вернуть назад свою семью?

Она положила ручку и подалась вперед.

– Ты готов к необходимым изменениям, чтобы иметь возможность заботиться о своих братьях после выпуска?

Да, черт возьми!

– Да, мэм.

Миссис Коллинз вновь взяла ручку и что-то записала в моей папке.

– Тогда ты должен это доказать. Знаю, у тебя нет причин мне доверять, но дело пойдет легче и быстрее, если ты хотя бы попробуешь. Сейчас ты должен сосредоточиться на себе и довериться мне с Кишей, чтобы присматривать за своими братьями. Суть дела такова: если продолжишь напрягать Кишу во время посещений и давить на Джейкоба, чтобы собрать информацию о его приемных родителях, особенно насчет их фамилий, то у нас создается впечатление, что ты не хочешь играть по правилам. Твои визиты – это привилегия, Ной. И я хочу сохранить ее за тобой. Мы понимаем друг друга?

Стул скрипнул подо мной, и я ткнул в нее пальцем.

– Это мои братья!

Недостаточная информация о том, у кого сейчас в руках мои братья: фамилия опекунов, адрес, номер телефона... то, что я не могу видеться с Тайлером и Джейкобом, когда захочу... я потерял все эти «привилегии» в день, когда ударил своего первого приемного отца. В горле встал ком, а глаза защипало. Я был готов разрыдаться, и это вывело меня из себя. Я встал, не зная, что делать или кого винить.

– У вас нет на это прав! Они – моя ответственность.

Миссис Коллинз посмотрела мне прямо в глаза.

– Они в безопасности. Ты должен поверить мне. Не стоит переносить свой опыт на братьев. Я понимаю твоё желание их защитить, но на данный момент это не нужно. Если ты хочешь видеться с ними на регулярной основе, то должен научиться работать со мной. Я уже объяснила, как ты можешь это сделать.

– Идите к черту.

Я схватил свои книги и вышел из кабинета.

Глава 11

Эхо

Дощечка с именем миссис Коллинз сдвинулась на пару сантиметров, открывая вид на черные пятна на стене. Впервые мне захотелось, чтобы Эшли оказалась сейчас в этом кабинете. Несовершенство свело бы ее с ума.

Как и на прошлой неделе, на столе психолога лежала голубая лента, и точно как на прошлой неделе, ее местоположение изменилось – с каждым разом она сдвигалась все ближе ко мне. Будто лента обладала собственным силовым полем, и я попадала под его действие, – притяжением, которое я не могла объяснить.

– Как обстоят дела с твоим парнем? – спросила миссис Коллинз.

Очередной вторник, очередной сеанс терапии. Я оторвала взгляд от ленточки. Слава богу, Люк пригласил меня на групповое свидание в субботу. Одной ложью меньше.

– Эшли все не так поняла. У меня нет парня, но я кое с кем встречаюсь.

Вроде как. Если одно свидание считалось серьезными отношениями.

Глаза женщины просветлели.

– Замечательно! Случайно, не с тем баскетболистом, с которым я видела тебя в коридоре?

– Да.

Класс. Терапевт-сталкер. Разве это законно?

– Расскажи мне о нем.

Эм... нет.

– Я не хочу говорить о Люке.

– Хорошо, – согласилась она, совершенно не смутившись. – Давай поговорим о Ное. Он сказал, что сегодня ваше первое занятие.

Я несколько раз моргнула. Черт! Правда? Может, лучше было бы обсудить Люка? Куртка Ноя продолжала лежать в шкафчике, поскольку Лила и Грейс убедили меня, что я не могу просто отдать ее в школе. Они все еще разрабатывали план, как мне вернуть ее.

– Да. Так и есть.

– Хочешь дружеский совет?

Я пожала плечами и зевнула, готовясь к лекции «скажи «нет» наркотикам, сексу и алкоголю». Я же как-никак, учу Ноя Хатчинса. В теории.

– Конечно.

– Ной очень способный. Ему нужен лишь небольшой толчок. Не дай ему обдурить себя и внушить, что совсем не так. Ты, Эхо, единственный человек в этой школе, который может посоревноваться с ним в плане знаний.

Ла-а-адненько. Очень странная беседа.

– Хорошо. – Я прикрыла ладонью рот и вновь зевнула.

– У тебя усталый вид. Как твой сон?

Великолепно. Прошлой ночью я проспала целых два часа. Моя нога начала раскачиваться из стороны в сторону.

– Эхо, все в порядке? Ты побледнела.

– В порядке.

Может, если я буду продолжать так говорить, это станет правдой. И, возможно, когда-нибудь я смогу проспать всю ночь без ужасных снов – странных, пугающих, полных созвездий, темноты, разбитого стекла и иногда крови.

– Твой отец упомянул, что ты перестала принимать снотворное, которое тебе прописали, хотя до сих пор страдаешь от кошмаров.

Еженощно. Они были достаточно пугающими, чтобы я не хотела засыпать. Достаточно страшными, чтобы вскакивать от собственных криков, если я проигрывала в битве со сном. Отец и Эшли хранили таблетки в закрытом шкафчике в ванной и выдавали их, только когда я просила. Я лучше себе глаз выколю, чем попрошу о чем-либо Эшли.

– Я же сказала, все в порядке.

При слове «в порядке» мой взгляд вновь натывается на ленту. Что в ней так привлекло меня? Я чувствовала себя мотыльком, летящим на электрическую лампочку.

– Кажется, тебя очень заинтересовала эта лента, Эхо, – сказала миссис Коллинз. – Я с радостью разрешу тебе поддержать ее, если захочешь.

– Нет, спасибо.

Но мне хотелось. Мои пальцы скрючились на коленях. По какой-то ненормальной причине я хотела ее поддержать.

Миссис Коллинз ничего не сказала, и это молчание пробрало меня до дрожи. Мое сердце екнуло, когда я подалась вперед и взяла ленту в руку.

Эта голубая лента не была всего лишь дешевой полоской для романтических особ. Эта лента вызывала уважение – широкая, из тяжелого шелка. Я прошлась пальцами по ткани. Первое место: Живопись – Кубок губернатора Кентукки.

Кто-то в моей школе выиграл Губернаторский кубок. Да это же обалдеть как круто! Каждый начинающий художник мечтает выиграть этот конкурс.

Может, кто-то из младших классов оказался обладателем выдающегося таланта. К черту папины наставления – как только миссис Коллинз меня отпустит, я отправлюсь в кабинет рисования и увижу этот талант собственными глазами. Чтобы выиграть Губернаторский кубок, нужно быть чертовым гением!

Когда я еще раз пробежалась пальцами по ленте, в моей голове загремели аплодисменты. Всплыл образ моей протянутой руки, принимающей ее.

Я перевела взгляд на миссис Коллинз, и мое сердце громко застучало.

– Это моя.

В голове запульсировало, а грудь сжалась при вспышке нового образа. В мыслях я получала не только ленту, но и сертификат. Я не видела, чье имя было там напечатано, но видела дату. Ту самую. По моей руке промчался электрический разряд и попал прямо в сердце.

Я в ужасе отшвырнула ленту и вскочила со стула, больно стукнувшись коленями об стол. Шлепнувшись на пол, я начала отползать подальше от ленты, пока не уперлась спиной в дверь.

Миссис Коллинз медленно отошла от стола и подняла ленту с пола.

– Да, твоя, Эхо, – она говорила так спокойно, будто мы тут пиццу ели, а не боролись с моим приступом паники.

– Это... этого... не может быть. Я... никогда не выигрывала Губернаторский кубок. – Перед глазами все поплыло, а затем последовала яркая вспышка красного. Момент просветления показал меня, младше, заполняющую формуляр. – Но я подала заявку... в девятом классе. Выиграла местный конкурс,

потом графства, следующим был конкурс штата. А потом... потом...

Ничего. Черная дыра поглотила красный и серый. Осталась лишь тьма.

Миссис Коллинз расправила юбку и села передо мной. Может, ей никто не сказал, но сидеть на полу во время сеанса терапии не считалось нормальным. Она обузда свой энтузиазм лабрадора и заговорила убедительным, обнадеживающим голосом:

– Ты в безопасности, Эхо, и это хорошее воспоминание, – она погладила ленту. – То утро было для тебя очень счастливым.

Я склонила голову и прищурилась.

– Я... выиграла?

Женщина кивнула.

– Я большой поклонник искусства. Мне больше нравится скульптура, но и живопись вызывает интерес. Походу в кино я предпочту визит в галерею.

Эта дамочка – настоящая шарлатанка! Тут без вопросов. И все же среди раздражающе оптимистичных табличек висело несколько настоящих. Университет Луисвиля действительно существовал, как и Гарвард, где она, по идее, оканчивала обучение. Я сосредоточилась на том, чтобы успокоить свое дыхание.

– Я не помню, как получила ее.

Миссис Коллинз положила ленту на край стола.

– Потому что ты подавила воспоминания о целом дне, а не только о ночи.

Я уставилась на свою папку.

– Вы расскажете, что со мной произошло?

Женщина покачала головой.

– Боюсь, это не по правилам. Если хочешь вспомнить, то должна начать активно работать на наших сеансах. Это значит, что ты будешь честно отвечать на мои вопросы. Больше никакого вранья. Никакой полуправды. Даже если с нами будут твои родители. Особенно если с нами будут твои родители.

Я потянулась к шее, где должна была бы висеть подвеска Эйриса, если бы я ее надела. Мой взгляд не отрывался от папки.

– Вы вообще-то ее читали?

– Естественно.

Я закусила щеку.

– Тогда вы знаете. Я уже пыталась вспомнить, но из этого ничего не получилось.

Тогда мое сознание чуть не раскололось пополам. Летом после инцидента один психолог пытался открыть дверь в чертоги моего разума, и из щели повалили демоны. Я потеряла сознание на два дня и очнулась в больнице. Мои кошмары превратились в ночные страхи.

– Хотите правду? – спросила я. – Я очень хочу узнать, что произошло. Доказать, что я не... чтобы знать... иногда я задумываюсь... не сумасшедшая ли я, как она.

Я так и слышала, как где-то в темном подсознании мой отец умоляет меня замолчать, но плотина рухнула, выпуская мои страхи наружу.

– Потому что я похожа на нее. Внешне, мы обе художницы, и люди всегда говорили, что мне передался ее дух. Я горжусь нашей схожестью, ведь она моя мама, но... я не хочу...

Быть сумасшедшей.

Миссис Коллинз прижала руку к сердцу.

– Эхо, биполярным расстройством ты точно не страдаешь.

Но зачем испытывать судьбу? Однажды я уже пыталась. Разве этого недостаточно? Миссис Коллинз было не понять.

– Если вы мне расскажете, я узнаю. Думаю, мой разум дал трещину, потому что терапевт пытался заставить меня пережить это снова. Возможно, воспоминания слишком ужасны. И если вы мне расскажете, ну, там просто пару фактов, тогда черная дыра в моей голове заполнится, кошмары исчезнут, и я не сойду с ума в процессе. – Я посмотрела в ее глаза, в которых сейчас видела только доброту. – Пожалуйста.

Уголки ее губ опустились.

– Я могу зачитать тебе отчет полиции, показания твоего отца, мачехи, даже твоей матери, но это не избавит тебя от кошмаров. Ты единственная, кто может это сделать, но это значит, что тебе следует перестать прятаться от проблемы и встретиться с ней лицом к лицу. Поговори со мной о своей семье, об Эйресе, о школе и, да, о своей матери.

Я открыла и закрыла рот, пытаюсь выдать из себя слова.

– Я не хочу сойти с ума.

– Не сойдешь, Эхо. Мы будем работать постепенно. Ты мчишься вперед, а я устанавливаю скорость. Я могу помочь тебе, но ты должна мне довериться и упорно работать над ситуацией.

Довериться. Почему не попросить меня о чем-то попроще, например, доказать существование Бога? Даже он меня бросил.

– Я уже потеряла кусочек своего разума. Я не могу доверить вам то, что осталось.

Ной

После занятий я заметил, как Эхо пробиравась сквозь толпу в коридоре. Девушка скользнула в кабинет главного офиса за секунду до того, как я успел ее догнать. Вторник был моим единственным выходным, и я планировал провести его, играя в баскетбол с Исайей.

Я стукнул кулаком по соседнему шкафчику. Теперь мне придется ждать, пока эта высокомерная выскочка закончит свою встречу с терапевтом.

Я побродил по коридорам, а потом устроился напротив шкафчика Эхо. У нее не было с собой рюкзака или куртки, поэтому я предположил, что девушка зайдет за ними, прежде чем уйти. Спустя сорок умопомрачительных минут я подверг сомнениям свое решение. Эхо постоянно забывала куртку. Подождать ее у машины было бы умнее.

Цокот каблучков по линолеуму оповестил о ее приближении. Огненные локоны девушки подпрыгивали при каждом шаге. Она шла с опущенной головой, крепко прижав к груди книги. Когда она прошла мимо, каждый мускул моего тела напрягся. Я спокойно относился к тому, что Эхо игнорировала меня во время занятий, но сделать вид, что меня не существует в совершенно пустом коридоре, было верхом стервозности. Повернувшись ко мне спиной, она попыталась набрать код на своем замке. Металлический шкафчик с лязгом открылся.

– Черт, да ты самый невоспитанный человек, которого я когда-либо встречал! – Я просто взвился с места. Да пошла она, вместе с миссис Коллинз и своими дополнительными занятиями. Я сам найду способ, как подтянуться по предметам. – Верни мне чертову куртку!

Эхо развернулась. На секунду ее лицо исказилось от боли, но вдруг в глазах забушевала буря. Буря, перед которой рассылаются предупреждения об урагане и о срочной эвакуации.

– Неудивительно, что тебе нужны дополнительные занятия. У тебя самый скудный словарный запас, какой мне когда-либо доводилось слышать. Ты когда-нибудь пытался выучить слово, состоящее больше чем из четырех букв?

– У меня есть для тебя еще одно. Пошла на хрен. Ты вернулась к своему парню, и тебе оказалось слабо вернуть мне при всех мое барахло.

– Ты ничего не знаешь.

– Сумасшедших видно сразу, во всяком случае, мне. – Стоило словам слететь с моих губ, как я пожалел о них. Иногда, когда ты видишь границу, то думаешь: перейти ее будет прикольно... пока ты этого не делаешь.

Уже второй раз с момента нашей встречи Эхо выглядела так, будто я дал ей пощечину. Глаза заблестели от слез, щеки вспыхнули красным, и она быстро заморгала. Ей удалось заставить меня почувствовать себя полной задницей... снова.

Она потянулась в свой шкафчик и швырнула мне куртку.

– Ты такой придурок! – Девушка хлопнула дверцей и пронеслась мимо меня.

Черт. Просто класс.

– Эхо! – Я кинулся за ней. – Эхо, подожди.

Но она не остановилась. Я догнал ее, схватил за руку и развернул к себе. Черт побери, слезы буквально лились из ее глаз, ручьями стекая по лицу.

И что мне теперь делать?

Она шмыгнула носом.

– Я не знала, что ты ждал, и не заметила тебя. – Девушка смахнула слезы тыльной стороной ладони. – Я должна была отдать тебе куртку еще вчера, но... – Она сглотнула. – Но мне хотелось побыть нормальной, хотя бы пару минут, и мне дали такую возможность. Как два года назад... как раньше...

Если бы у меня был хоть малейший шанс вернуть себе нормальную жизнь, я бы сжег эту чертову куртку. Уверен, Эхо мечтает о том, чтобы брат ее вернулся, не меньше, чем я хочу вернуть свою семью. Снова иметь дом, родителей. Черт.

Нормальную жизнь.

Я сделал глубокий, чтобы обуздать свой гнев, вдох. И, как там пророчествовал Исайя, пуф. Мои мышцы расслабились, злость улетучилась. Опустив голову, Эхо спряталась за завесой своих волос. Мне никогда не понять, почему эта девчонка так воздействовала на мою совесть.

– Извини. Мне не стоило на тебя кричать.

Эхо показала свое бледное личико и снова шмыгнула носом. Один рыжий локон прилип к ее влажной от слез щеке. Я потянулся, чтобы поправить его, но замешкался в миллиметре от ее кожи. Клянусь, она задержала дыхание и даже перестала моргать. На секунду то же случилось и со мной. Ласковым движением я убрал эту прядь.

Девушка прерывисто выдохнула и облизала губы.

– Спасибо.

Я не знал, благодарила ли она меня за извинение или за невольную ласку, но спрашивать не собирался. Мое сердце билось в ритме трэш-металла. Этой осенью мы читали по литературе о сиренах – греческая мифологическая фигня о прекрасных женщинах со столь очаровывающими голосами, что мужчины были готовы пойти ради них на все. Оказалось, эта мифологическая хрень была правдой, поскольку каждый раз при виде Эхо я терял разум.

Нормальность. Она хотела чего-то нормального, как и я.

– Знаешь, что нормально?

– Что? – Она вытерла оставшиеся слезинки.

– Занятия по матанализу.

Без сомнений, Эхо Эмерсон тоже была сиреной. Она одарила меня той же улыбкой, что и в субботу вечером. Той улыбкой, что толкала мужчин на написание сопливых песенок, которые вызывали у нас с Исайей просто гогот. Я

мог бы часами сидеть под офисом миссис Коллинз и подрывать задницу каждое утро, чтобы идти на математику, лишь бы вновь увидеть эту улыбку. Ох, вот дерьмо...

– Ладно, – сказала она. – Давай займемся чем-то нормальным.

Так мы и сделали. Примерно час сидели напротив шкафчиков, и Эхо помогала мне нагнать пропущенные занятия. Девушка использовала для описания жесты, что было чертовски смешно, учитывая, что мы обсуждали математику. Ее зеленые глаза светились, когда я задавал вопросы, и она одаряла меня улыбкой сирены каждый раз, когда я вникал в тему. Эта улыбка действовала на меня как поощрение и вызывала желание учиться больше.

Закончив объяснение о производных, она сделала глубокий вдох. Я понял эту тему еще пять минут назад, но мне нравился звук ее милого голоса. Ангельская музыка.

– Ты хорошо знаешь математику, – сказал я.

«Ты хорошо знаешь математику!» И на что тянет это заявление? Что-то типа: «Эй, у тебя есть волосы, они рыжие и вьются». Как тонко.

– Мой брат был математическим гением нашей семьи. Единственная причина, по которой я не отстаю, это потому, что он со мной занимался. Эйрис не сдал свою книгу в библиотеку, наверняка знал, что она мне еще пригодится.

С таким же почтением, с каким моя мама демонстрировала семейную Библию, Эхо достала из рюкзака старую потрепанную книгу по математическому анализу и начала переворачивать страницы, содержавшие многочисленные заметки синими или черными чернилами на полях.

– Наверное, это делает из меня мошенницу, да?

Нет, это значит, что у тебя был любящий брат.

Помогала ли моим братьям их приемная мать с домашней работой, или она была как жена Джеральда? Запиралась в спальне и делала вид, что ее приемных

детей не существует и что ее муж нас не бьет.

Эхо провела пальцами по записям на страничке.

– Я скучаю по нему. Он погиб два года назад в Афганистане. – Девушка вцепилась в книгу, будто та была ее спасательным кругом. – Был взрыв.

– Мне жаль.

– Спасибо, – проговорила Эхо безжизненным голосом.

– Она никогда не утихнет, – сказал я. – Боль. Раны покрываются коркой, и тебя больше не разрывает на части. Но когда ты будешь ожидать этого меньше всего, боль вспыхнет, чтобы напомнить, что ты никогда уже не будешь прежним.

Сам не знаю, зачем я рассказывал ей это. Может, потому, что Эхо была первым человеком с момента смерти моих родителей, кто мог меня понять.

Погрузившись в свои мысли, я уставился на мигающие флуоресцентные лампы на потолке. Горят. Не горят. Горят. Не горят. Хотел бы я найти кнопку, выключающую мою боль.

На землю меня вернуло теплое, легкое прикосновение. Или отослало прямоком на небеса. В любом случае оно выдернуло меня из ада. Розовые пальчики Эхо гладили меня по ладони.

– Кого ты потерял?

– Родителей. – Лицо девушки выражало не жалость, лишь понимание. – Думаешь, миссис Коллинз специально свела двух самых разрушенных учеников в школе? – Я сверкнул улыбкой, чтобы правдивость этого предположения не разбила остатки моего сердца.

Эхо убрала руку.

– Ух ты. А я думала, что единственная в этой школе, кто все время притворяется.

Желая еще ее прикосновений, я пересел так, чтобы моя рука касалась ее плеча. Губы Эхо не двигались, но моя сирена все равно пела. Ее песня обжигала мне кожу, а запах сахара и корицы – нос.

Задний карман джинсов Эхо завибрировал, снова отправляя меня в ад... простите – в школу. Мне срочно нужно было закурить.

Она набрала сообщение на своем айфоне. Наверное, этому везучему сукиному сыну, ее обезьяноподобному парню. Улыбка сирены испарилась с лица девушки, а ведь я так пытался ее вызвать! Это уже пахло трагедией.

– Ты в порядке?

– Да. Мачеха контролирует каждый мой шаг, – сказала она с деланным равнодушием.

Я облегченно вздохнул. Лучше мачеха, чем та макака.

– По крайней мере, у тебя есть кто-то, кто заботится о тебе. – Сомневаюсь, что Ширли и Дэйл знали о существовании у меня мобильного. – Прости, что довел тебя до слез. Обещаю, в будущем я буду хорошо себя вести.

– Значит ли это, что я теперь твой учитель?

– Думаю, да.

Эхо натянула рукава.

– Ты не доводил меня до слез. Твои слова не помогли ситуации, но ты не доводил меня до слез.

Она не прятала свои руки, пока учила меня... когда прикасалась ко мне. Вот дерьмо, я совсем забыл о ее шрамах. Черт, да она сама о них забыла! До этого момента. Я хотел вернуть тот миг и снова увидеть ее улыбку.

– Тогда кто? Я давно не дрался. Моя репутация будет испорчена, если я слишком долго буду вести себя как паинька.

Эхо боролась, но я победил. Ее улыбка вернулась на короткое ослепительное мгновение.

– Если ты подерешься с миссис Коллинз, тебя точно исключат. Так что спасибо, но не стоит.

Я стукнулся затылком об шкафчик.

– Она и мне сегодня мозги выносила. Должно быть, это все фишка третьего свидания.

Я усмехнулся, а Эхо посмотрела на меня так, будто я сделал себе татуировку на лбу.

– В смысле «фишка третьего свидания»?

Она что, жила за семью замками?

– После третьего свидания люди обычно занимаются сексом. Сегодня была моя третья встреча с миссис Коллинз, и она изнасиловала меня по-королевски. Судя по всему, с тобой она провернула тот же номер.

Ее идеальные брови сдвинулись к переносице, пока она обдумывала мои слова. Мне нравилось, как ее губы изогнулись от смеха, а щек коснулся румянец.

– Знаешь, что самое отстойное? – спросила Эхо.

– Миссис Коллинз?

– Да, но я не об этом. Все, что мне нужно знать, находится в чертовой папке, которая хранится у нее в ящике. Она словно ключ к волшебной двери – проходу в магическое королевство. – Девушка пнула свой рюкзак так, что он заскользил к противоположной стене. – Если бы я добралась до этой дурацкой папки, то смогла бы наконец обрести покой.

Эти слова спровоцировали в моей голове воронку торнадо. Миссис Коллинз поддерживала контакт с приемными родителями Тайлера и Джейкоба. Значит, у нее была информация: их фамилии, телефонный номер, адрес. Эхо была права. Эти папки – золотая жила. Если я доберусь до своей, то смогу проведать братьев. А потом доказать, что они живут в доме, полном насилия, и получить над ними опеку.

– Эхо, ты гений.

Глава 13

Эхо

Первая стадия операции «Прочти свою папку» состояла в том, что мы с папой и Эшли сидели в приемной в ожидании того, когда миссис Коллинз позовет нас на сеанс терапии. Отец стоял в углу и общался с кем-то на повышенных тонах по своему смартфону, а мы с Эшли расположились рядом на стульях.

Эшли прижала руку к животу.

– Ох. Ой, Эхо, малыш толкается!

– Вы можете войти, – позвала миссис Коллинз.

Я взлетела со своего места.

– Ну, слава богу!

Мачеха уже который месяц надоедала всем своей бесконечной болтовней о ребенке. Ладно, может, не всем. Отец прислушивался к каждому ее слову, будто она была святым Павлом, проповедующим Евангелие. Моей маме он никогда не уделял столько внимания. Иначе я не считалась бы школьной чудачкой.

Три недели назад миссис Коллинз ввела правила: с понедельника по четверг она носила строгие костюмы, а по пятницам – джинсы и футболки. С каждой неделей пятница переносилась на один день. Сегодня пятница выпала на вторник. Женщина встала из-за стола и сверкнула своей вечной улыбкой.

– Мистер и миссис Эмерсон, я так рада вас видеть, но наша групповая терапия состоится только на следующей неделе.

Приподняв брови, отец вопросительно посмотрел на Эшли, которая пораженно замерла с открытым ртом.

– Нет. В семейном календаре отмечено...

Я перебила ее:

– Я сказала им прийти на этой неделе.

Миссис Коллинз состроила странную гримасу, от чего ее рот уехал на правую щеку.

– Я знаю, у нас состоялся достаточно сложный сеанс на прошлой неделе, но неужели ты решила, что нужно приводить телохранителей?

– Эхо? – спросил папа. – Что случилось на прошлой неделе?

Мое сердце сжалось и ухнуло вниз. Его беспокойство казалось искренним. Я бы все отдала, чтобы так оно и было.

Я встала и подошла к окну. Ученики на парковке мчались к своим машинам, чтобы разъехаться по домам. У этого сеанса было столько же шансов на провал, как и у того, что был на прошлой неделе.

– Кое-что хорошее.

– Замечательно. Этой семье не помешает парочка хороших новостей. – Голос Эшли резал мне слух, как наждачная бумага кожу. – Я читала в журнале, что дети чувствуют негативную энергию.

С одного из мест выехала машина и открыла вид на Ноя, который восседал на капоте своей ржавой тачки вместе с каким-то приятелем с пирсингом и татуировками и байкершей Бет. Когда парень одарил меня коварной улыбкой, его друзья уставились в мою сторону. Они меня пугали. Улыбка Ноя заставляла меня трепетать.

Но вряд ли мне стоило трепетать из-за Ноя Хатчинса. Я встречалась с Люком, а не с ним – если можно было так назвать один монолог Люка по телефону и одно неловкое групповое свидание в местной пиццерии.

Я вздохнула и выбросила Люка из головы. Мы с Ноем заключили договор, и я намеревалась выполнить свою часть сделки. План был прост: мне нужно было перенести свою встречу, чтобы парень перенес свою утреннюю терапию на место моей дневной.

Поскольку наши встречи шли одна за другой, кто-то будет отвлекать миссис Коллинз, пока второй просмотрит папки.

– Эхо? – потребовал ответа отец, в его голосе все еще слышалась тревога. – О чем мы говорим?

Глубоко вдохнув, чтобы мой желудок не скручивался в узел, я повернулась к нему лицом. Конфликты были мне, мягко говоря, не по душе. А конфликты с отцом я просто ненавидела.

– Почему ты не рассказывал, что я выиграла Губернаторский кубок?

– Что, прости? – В его голосе сейчас звучало только недоумение.

У меня внутри снова все сжалось. Почему, ко всему прочему, он забрал у меня и рисование?

– Я так хотела выиграть! Ты мог рассказать мне хотя бы об этом...

Миссис Коллинз насторожено разглядывала меня и держала руки на коленях. Я ожидала, что она вскочит с места и начнет защищаться, но женщина оставалась странно спокойной. Эшли накрыла своей ладонью пальцы отца.

– Оуэн? – Мне показалось, или в ее голубых глазах мелькнуло сожаление?

Напугав меня до чертиков, его лицо приобрело непривычный серый оттенок.

– Ты помнишь? – Его глаза округлились, придавая папе потерянный и необычайно грустный вид.

Мне всегда казалось, он хотел, чтобы я вспомнила. Я нахмурилась, не понимая его реакции. Разве не в этом весь смысл терапии?

Когда отец повернулся к миссис Коллинз, серый оттенок сменился красным.

– Это неприемлемо! Мы виделись с двумя психотерапевтами и получили три разные оценки ее психологического состояния. Каждый из них имел свое мнение насчет того, что делать дальше. Однако после приступа и нервного расстройства каждый рекомендовал нам больше не пытаться. Когда вы попросили положить в эту комнату ленту, я понял сразу, что мы должны отказаться от этой программы. Как вы могли заставить ее вспомнить?

– Я никого не заставляла, мистер Эмерсон. Во время терапии я просто клала ленту на стол. Это называется десенсибилизация. Разум девочки решил, что эти воспоминания безопасны, потому она вспомнила.

Поднявшись со стула, отец пробежался рукой по волосам.

– Боже, Эхо. Почему ты не сказала раньше? Ты должна понять...

– Мистер Эмерсон, остановитесь! – Миссис Коллинз пыталась сохранить спокойный вид, но я заметила, как повысился ее тон. – Она вспомнила о ленте. И только.

Грудь отца быстро вздымалась и опускалась. Затем, словно желая доказать, что невозможное возможно, он потянул меня к себе и обнял. Одна его рука удерживала мою спину. Другая – голову. Я замерла.

До чего же теплые объятия. Я чувствовала себя в безопасности. Как когда была ребенком и мама закатывала истерику, а я пугалась. Голову заполнили воспоминания о моей маме: вытаращенные глаза, бессвязная речь и спутанные рыжие волосы, выбившиеся из хвостика. Я бежала к отцу, и он прижимал меня к себе... как сейчас. Он защищал меня, давая ощущение надежности.

Я слушала его сердцебиение и чуть не поддалась желанию обнять его в ответ. Но тут Эшли заерзала, и ее каблуки царапнули пол.

Сердце пронзила невероятная боль, и я оттолкнула папу.

– Ты выбрал ее.

Он протянул ко мне руку, его рот приоткрылся.

– Что?

– Ты выбрал Эшли. Она проникла в наш дом и разрушила нашу семью. Ты выбрал ее, не нас.

– Эхо, нет. Все было не так. – Мольбы Эшли звучали жалко и неискренне. – Я любила тебя, а потом влюбилась в твоего отца. Брак твоих родителей распался задолго до развода.

Моя нога застучала по полу. Лгунья. Она лгунья!

– Да, из-за тебя.

– Мы уходим домой. Это семейный вопрос. – Отец потянулся за курткой, и Эшли встала. – Миссис Коллинз, я ценю желание штата записать Эхо в вашу программу, но я считаю, что моей семье следует записаться на личное консультирование к кому-то другому.

Я запаниковала. Ной ждал на парковке своей очереди, чтобы запустить наш план. Пока я ужасно лажала. Отцу нужно остаться до тех пор, пока я не преуспею в своей цели. В теории в этой комнате находился один мой союзник.

– Миссис Коллинз?

Она кивнула.

– Мистер и миссис Эмерсон, при всем уважении, это именно тот вопрос, который должен обсуждаться здесь.

Отец протянул Эшли ее пальто.

– Я сам в состоянии решить, что приемлемо для моей семьи. Мой развод с бывшей женой и брак с Эшли не имеет никакого отношения к потере памяти Эхо.

– Позволю себе не согласиться. Это проблемы, с которыми Эхо нужно справиться.

О боги. Они уйдут, и я так никогда и не узнаю, что со мной случилось. Нужно что-то сказать, чтобы они остались.

– Она мне нравится.

Все трое замерли.

– Вот почему я привела вас сюда. – Я сосредоточилась на словах, которые репетировала с того момента, как мы с Ноем придумали этот план. – Я хотела сказать, что мне нравится работа, которую нашла для меня миссис Коллинз, и что мне надоело ей врать. Я не в порядке и не чувствую себя счастливой дома. Она мне нравится, и я хочу продолжить наши встречи.

И, как ни странно, я ни разу не моргнула.

Уголки губ миссис Коллинз приподнялись – именно на такую реакцию я и рассчитывала. Чтобы план Ноя сработал, она должна думать, что я ей доверяю.

Теперь, если бы я могла построить машину времени, переместиться на двадцать минут назад и не говорить отцу, что чувствую на самом деле, мой план снова бы вернулся в нужное русло. Поливать Эшли грязью было приятно, но это лишь

разочаровало моего отца. Я вздохнула. В попытках возместить этот промах я стану единственной первокурсницей, которая будет бесконечно пересдавать АСТ на высший балл.

– Прости, папочка. Я немного перешла границу. – Гр-р-р. Я лучше бы съела таракана, чем сказала следующие слова: – И ты, Эшли. Я была слишком груба с тобой.

Но честна.

Отец кивнул и помог Эшли надеть пальто.

– Я не виню тебя, Эхо. – Он уставился на миссис Коллинз, ясно давая понять, кого винит в моем всплеске гнева. – Если ты хочешь и дальше видаться с миссис Коллинз, ради бога. Однако будет остановлен испытательный срок. Это значит, что следующие ваши сеансы будут проходить под наблюдением.

Эшли погладила живот.

– Я рада, что ты делаешь успехи, Эхо. Тот день, когда ты получила ленту, был прекрасен. Тогда я впервые почувствовала, что мы трое – настоящая семья.

– Почему там не было мамы? – Тишина. Рука Эшли замерла в движении, а отец словно окаменел. Я продолжила: – Ты сказала: трое. Мама ни за что бы не позволила лишиться ее этого мгновения. Она любила мои картины. Она поощряла меня больше, чем вы оба вместе взятые.

В моей голове запульсировала черная дыра, из которой выплыло еще одно воспоминание.

– Я пригласила ее на церемонию, и она согласилась.

В голове зазвучал восхищенный голос матери: «Я бы ни за что не пропустила это, моя маленькая богиня».

– Ты задаешь хорошие вопросы, Эхо, и я счастлива, что тебе хочется продолжить работать со мной. Но, думаю, на сегодня достаточно, – вернула меня в

реальность миссис Коллинз. – Мы можем продолжить с этого места на следующей встрече.

Кстати, о следующей встрече... Я снова сбивалась с курса. Мне нужно было подстроить все для Ноя.

– Папочка, есть еще кое-что.

Он схватился за переносицу, несомненно, молясь о том дне, когда я уеду в колледж и покину его дом. Тогда он сможет сосредоточить все свое внимание на новой семье – нашей замене.

– Да?

– Если миссис Коллинз не против, я бы хотела перенести наши консультации на час раньше. Я хочу вновь присоединиться к команде поддержки или, по крайней мере, помогать им с тренировками.

Эшли мгновенно просияла, и мне сразу захотелось забрать свои слова обратно – просто чтобы побесить ее. Обеспокоенные морщинки вокруг папиных глаз уменьшились, а на губах появился намек на улыбку.

– Конечно. Тебе нужны деньги на новую форму или костюм? – Он достал кошелек и протянул мне пару зеленых бумажек с нолями.

Я покачала головой и слегка улыбнулась ему в ответ. Я сделала отца счастливым. И прежняя я была тоже счастлива.

– Нет, спасибо. Мне нужно много тренироваться. Я пока не уверена, понадобится ли мне костюм. Я могу не пройти отбор.

– Все равно возьми деньги... на случай, если понадобятся. – Отец все еще протягивал мне купюры. Я взяла их, чувствуя неловкость. Я не собиралась возвращаться в команду поддержки – это был всего лишь повод, чтобы Ной смог перенести свои встречи на мое время. Теперь мне придется принять предложение Натали. Если хоть на пару минут отец отвернется от Эшли и с такой же улыбкой посмотрит в мою сторону, я это сделаю.

– Эхо, ты не могла бы оставить нас наедине с миссис Коллинз? Нам нужно кое-что обсудить.

Не-а. Я надеялась, что миссис Коллинз скажет отцу, что он может говорить при мне, однако не повезло.

– Почему бы тебе не подождать в основном офисе? Я бы хотела договориться о нашем расписании до того, как ты уйдешь.

Я закрыла за собой дверь. Поскольку рабочий день уже завершился, в офисе царила устрашающая тишина.

– Сработало?

Испугавшись, я сбила стаканчик с карандашами со стола. Ной стоял в дверном проеме и хохотал. Я начала их собирать.

– Вроде бы. Папа и Эшли за то, чтобы перенести мои встречи, но миссис Коллинз еще не дала свое подтверждение. А еще я случайно подалась в команду болельщиц. А ты что здесь делаешь?

– Снаружи холодно, а здесь тепло.

Карандаши снова стояли в стаканчике, поэтому я оперлась на стол и попыталась не пялиться на Ноя. Но мне очень хотелось. Парень снял куртку, и черная футболка идеально облегла его тело. Сегодня во время ланча Грейс фыркнула, заметив татуировку на его правом бицепсе. Я же молча согласилась с комментарием Лилы: «М-м-м...»

Мои внутренности растаяли, когда Ной игриво улыбнулся и посмотрел на меня так, будто я была голой. Когда-то Люк вызывал у меня бабочек в животе. Ной порождал птеродактилей-мутантов.

В офисе психолога хлопнула дверь, что вернуло меня к реальности.

– Что, если миссис Коллинз заметит тебя? Нас не должны видеть вместе!

Он усмехнулся.

– Ты же моя наставница, помнишь? Она как раз ждет, что мы будем вместе. Кроме того, я пропустил свою утреннюю встречу, и она послала мне записку, настойчиво предлагая нарисоваться здесь как можно быстрее. – Ной вытянул руки. – Так что вот он я.

– Когда ты получил записку?

– На первом уроке.

Я громко втянула воздух.

– И пришел только сейчас? – Я была не в состоянии представить, как можно пропустить терапию и уж тем более проигнорировать просьбу взрослого.

– Это все часть плана, Эхо. Расслабься.

Я затопала ногой по полу и молча обрадовалась закрытой двери.

– Думаешь, она знает, что мы что-то задумали?

Ной двинулся ко мне навстречу. Когда его тело коснулось моего, мой затылок наполнился теплом. Одним беспечным движением, обозначавшим, что раскаленный жар пустыни Сахара ему нипочем, парень оперся бедром на стол и потянул одну из моих кудряшек.

– Не сходи с ума. Я даже рад, что ты тогда не пошла со мной – испортила бы все веселье, – сказал он, слегка дернув меня за волосы.

Я сложила руки на груди, пытаюсь проигнорировать пламенеющие щеки, и ответила так сухо, как только могла:

– Спасибо. Ничто так не поднимает самооценку, как хамство со стороны парня с ужасной репутацией.

Мои пальцы барабанили по рукаву в такт ноге.

– Что там происходит?

– Отец и Эшли обсуждают меня с миссис Коллинз.

Ной поднял телефон из-за стола.

– Хочешь послушать, о чем они говорят? Я не раз видел, как этот трюк проделывала миссис Маркос. У миссис Коллинз отстойный телефон, даже не пикает, так что миссис Маркос быстро освоила эту возможность.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Ной нежно прижал два теплых пальца к моим губам. Он приподнял бровь и сверкнул пиратской улыбкой.

– Тс-с-с.

Парень убрал руку, оставляя мои губы на растерзание холоду, и нажал кнопку громкой связи. В моей крови забурлил адреналин, а в голове стало легко. Я никогда не совершала столь неправильного поступка в своей жизни. Поэтому наклонилась ближе, чтобы лучше слышать.

Говорил отец:

– ...не понимаю. Одно дело, если Эхо хочет обсудить с вами свои чувства по поводу развода. Я поддержу любые усилия, чтобы восстановить ее отношения с Эшли. Но все остальное вы не имеете права трогать. Жизнь девочки определенно возвращается в свою колею. Она учится на пятерки. Состоит в нескольких клубах, хочет вернуться в команду болельщиц.

– Оуэн прав, – вторила Эшли. – В социальном плане Эхо отлично справляется. Она общается с друзьями, болтает по телефону и переписывается. Они с Люком снова встречаются. Девочка будто снова становится собой – прежней.

– Чего мы с Эшли пытаемся добиться, – добавил отец, – это чтобы Эхо снова обрела себя. Служба опеки имела полное право вмешаться после произошедшего, но сейчас это лишнее. Ее мать больше не проблема. У Эхо новая

работа, и, признаю, вы были правы: попытка возродить машину стала ее здоровым способом оплакать Эйриса. Терапия была необходима, когда она не справлялась, но теперь Эхо не просто справляется. Она живет.

– А ее потеря памяти? – напомнила миссис Коллинз. – Ночные кошмары? Бессонница? Тот факт, что девочка отказывается показывать кому-либо свои руки?

Мой желудок сжался. Мне нужно было услышать, что ответит отец, но меня ужаснуло, что Ной Хатчинс уже услышал слишком многое. Я потянулась, чтобы прервать связь, но парень покачал головой и положил руку мне на спину.

На нервной почве меня замутило. Ной сократил и без того небольшое расстояние между нами, привлекая меня к себе. Не стоило к нему прикасаться, но я хотела узнать ответ и мне нужно было хотя бы на кого-то опереться. Всего один раз, в это единственное мгновение, пусть это будет Ной. Когда он пригладил пальцами кудряшки у моих лопаток, я позволила своим мышцам расслабиться.

– Хотите честно услышать мое мнение, миссис Коллинз? – спросил отец.

– Да.

– Вы правы. Она не на сто процентов в порядке, но по сравнению с прошлым годом Эхо делает успехи. Оставьте прошлое позади. Пусть она попытается жить дальше своей нынешней жизнью.

– Никогда не вспоминая произошедшее? – не сдавалась миссис Коллинз. – Не справляясь с зарытыми внутри эмоциями?

– Думаю, будет лучше, если она никогда не вспомнит. Я сам с трудом понимаю, как родная мать могла навредить ей. Как может ребенок осознать степень безумия? – Отец замолчал. – Кошмары – это плохо. У Эхо есть проблемы, но, боюсь, что правда лишь больше разрушит ее, а не поможет. Когда первый психолог надавил на нее, чтобы она вспомнила, сознание Эхо раскололось. Что, если в вашем случае это повторится? Вы хотите рискнуть психическим состоянием моего ребенка?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Little House on the Prairie (англ.) – телевизионный семейный сериал, за девять сезонов с 1974 по 1983 г. вышло 204 серии.

2

Предложение переводчика своего варианта скороговорки How much wood could a woodchuck chuck if a woodchuck could chuck wood? Буквальный перевод: «Сколько дров бросил бы сурок, если бы сурок мог бросать дрова?»

3

ACT и SAT – стандартизированные тесты для поступления в американские вузы.

4

Знаменитая фраза из фильма «Десять заповедей».

5

PSAT – предварительный академический тест (упрощенная версия SAT).

6

Имеется в виду персонаж из сказка Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

7

Chevrolet Corvette – двухместный заднеприводной спортивный автомобиль, выпускаемый под маркой Chevrolet компанией General Motors в США с 1953 года.

8

Мой мальчик (исп.).

9

Обсессивно-компульсивное расстройство – психическое расстройство, которое часто сопровождается чрезмерным стремлением к чистоте и порядку.

10

«Семейка Брэди» (The Brady Bunch) – американский комедийный сериал, в котором рассказывалось о многодетном овдовевшем отце, который женится на вдове с тремя детьми.

11

Ведущая утренней детской развлекательно-познавательной телевизионной передачи 1976–1980 гг., блондинка средних лет.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makgerri_keti/razdvigaya-granicy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)